I.
НОЧЬ НА РАСПУТЬИ

или

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНѢЕ.

Старая бывальщина въ лицахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВЫШЕСЛАВЪ, удѣльный Князь Русскій.
ЗОРЯ, дочь его.
УДАЧА, Князь Карпатскій.
БРАКОВИТЪ, Княжичъ Болгарскій.
ХОЧАТУРЪ, Царевичъ Армянскій.
РУДИГАРЪ, Королевичъ Мурманскій.
ВЕСНА, княжій родичъ и нахлѣбникъ.
ТУМАКЪ, по прозванію Межеумокъ.
ОКОЛЬНИЧІЙ.
КОНЮШІЙ.
ТОРГОВЫЙ ГОСТЬ.
СЛѢПОЙ, ГУДОЧНИКЪ.

НАРОДЪ.
ДВОРНЯ.
РАТНЫЕ ЛЮДИ.
СѢННЫЯ ДѢВУШКИ.
ДОМОВОЙ.
ЛѢШІЙ.
ВОДЯНОЙ.
РУСАЛКИ.
ОБОРОТЕНЬ.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Затрапезная Князя Вышеслава.

Князь Вышеславъ, Удача, Браковитъ, Рудигаръ, Хочатуръ, Княжьи Бояре, Весна, ***полдничаютъ;*** **Тумакъ** ***сидитъ на полу, за большой деревянной миской.***

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ,

которому подаютъ турій рогъ съ медомъ.

Любые гости и сотрапезники мои, Удача Князь Карпатскій, Браковитъ Княжичъ Болгарскій, Хочатуръ Царевичъ Армянскій, Рудигаръ Королевичъ Мурманскій! Князи, Царевичи, Королевичи! пью во здравіе и долголѣтіе ваше; исполать вамъ, добрымъ молодцамъ, спасибо за гостьбу вашу дружую, неспѣсивую: здравствуйте жъ всѣ, одинъ по другому, другой по третьему, третій по четвертому, четвертый по первому!

(Пьетъ и подаетъ дальше.)

БРАКОВИТЪ, ***принимая рогъ.***

Многія лѣта дорогому Князю!
Спасибо за почетъ, за честный поминъ;
Много тебѣ радости, Князь, да веселья,
Отъ Княжны отъ твоей, отъ Зори Вышеславны!

Удача, ***тоже.***

И я за нимъ, могучій Князь и славный
Хозяинъ нашъ: тебѣ отъ насъ спасибо,
А намъ, намъ не на чемъ; живи здорово,

Да властвуй много лѣтъ и потѣшайся!

Хочатуръ, *тоже*.

И каждый часъ твоей державной жизни,
Да будетъ гранью свѣтлаго алмаза!

Рудигаръ, *тоже*.

Сила могучая — Княжей десницѣ,
Благость и доблесть — душѣ;
Отчему сердцу — многая радость,
Крѣпкому разуму — вѣкъ!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Спасибо, други; спасибо Царевичу, и вамъ, Князю и Княжичу, и тебѣ Королевичъ; много насулили вы мнѣ добра, много мнѣ почету, а душѣ моей веселья, отъ дорогихъ гостей, какихъ не было давнымъ давно при дворѣ моемъ княженецкомъ. Гостилъ у меня, правда, какъ проѣзжалъ къ Князю Ратимиру, гостилъ Княжичъ Литовскій Заядча; гащивали бывало и наши русскіе князья, и сосѣди мои, и кіевскіе — а такого съѣзду почетнаго не случалось. Миръ съ вами и ладъ и братскій совѣтъ, дорогіе

сотрапезники мои, да живите во дворѣ у меня полюбовно.

Удача.

И стыдно бы намъ, ясный Князь, на лады къ тебѣ пріѣхавши, да опозорить себя во свѣтломъ терему твоемъ разладицей: чѣмъ ни порѣшишь насъ, а ссоры не увидаешь!

Рудигаръ.

Всѣ мы рукобитьемъ своимъ княжьимъ промежъ собой скрѣпили уговоръ: ссорѣ не бывать.

Браковитъ.

Отдалися мы на судъ и любовь твою и милость; а промежъ насъ положено: кто первый ссору затѣетъ, тотъ, за безчестье, кормитъ и угощаетъ по боярски три десята калѣкъ да нищихъ.

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Хорошо, славно, премудро! За это еще по братинѣ, Князи; пейте, да лейте! Кравчій мой жалуется, что другой варъ меду

дошелъ, а еще и первый не выпитъ; аль не угоденъ?

Удача.

Нѣтъ, Князь; пусть уже мы будемъ безъ вины виноваты, а на медъ не клепли!

Весна.

Дивный медъ, пресвѣтлый князь, дивный медъ! и пьешь и хочется! что за милосердіе Создательское, даровать душѣ такую отраду!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Суесловъ! зашибетъ тебя грозою когда нибудь за глупыя рѣчи твои; да хоть соври что нибудь путное, чтобы Царевичъ, дорогой гость нашь, расмѣялся! аль не досужно, зубы на барщинѣ?

ВЕСНА.

Вотъ тѣмъ–то и за бѣду стало, что и горло и глотка за одними воротами живутъ, подъ одинъ щипецъ крыты: не вѣсть пѣть, не вѣсть пить, не то ѣсть, не то смѣшить, не то своему смѣху смѣяться; хоть раскроись!

(Всѣ смѣются.)

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Ай да Зима! спасибо, за–словомъ въ карманъ не полѣзетъ! *(Обращаясь къ Тумаку, который сидитъ на полу и хлебаетъ.)* А ты овсянникъ, что надулся какъ ёжъ на мокрицу? Зима, свисни его ложкой по носу!

ВЕСНА.

Не льзя, пресвѣтлый Князь, онъ серчаетъ нынѣ, искалѣчитъ.

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Что такъ?

ВЕСНА.

Да такъ; не вѣритъ, что у него четыре ходаста, два бодаста, да седьмой хлебестунъ; въ люди просится.

ТУМАКЪ.

Совралъ еси сорока безталанная, варакушка ощипаная, ручной скворецъ, совралъ! *(Смѣются.)* Руки, ноги есть, голова есть, люди Межеумкомъ зовутъ, женихомъ, а Князь отдаетъ за меня Княжну; Князь отдай что ли ноньче!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Бѣлужья ты башка да волчій хвостъ! я–жъ за тебя отдаю невѣсту, тёлку–яловку, бѣломордую, бѣлобровую, бѣлобрысую — сосватать что ли?

ТУМАКЪ.

А, такъ ты видно обмануть хочешь меня? а? Нѣтъ, Князь, Тумакъ постоитъ за себя; слышалъ? отдай, что ли, Княжну, не то перепотрошу всѣхъ!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Слушай же, верблюжина поганая, полно; велю убить, что собаку, да въ парникъ подъ огурцы кинуть; ни–любы мнѣ шутки твои!

ТУМАКЪ *вскакиваетъ съ ножемъ въ рукахъ.*

Чего шутки? какія шутки? отдай, говорю, Княжну; за что звалъ меня женихомъ, и слюбиться велѣлъ, и все, и все... Челядь твоя говоритъ, вотъ это женихи, четыре жениха, говоритъ, а Тумаку шишь, говоритъ; ась? Тумака обидѣть,

обмануть? гдѣ женихи? подайте ихъ на ножъ!

(Кидается съ ножемъ; застольники самъ пятъ схватываютъ его и связываютъ; Тумакъ борется какъ звѣрь и рычитъ.)

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ, ***вскочивъ съ мѣста.***

Вонъ! моржъ клыкастый, выродокъ, непоятый и нерожденный, вонъ! избить его батогами на конюшнѣ, да выкинуть въ подворотню, коли живъ будетъ, чтобъ и духу его тутъ не было! ***(Тумака утаскиваютъ; онъ реветъ и огрызается зубами)*****. Ахъ ты копна неразумная, что было напроказилъ! не осудите, гости дорогіе, не примите въ обиду себѣ: такой грѣхъ случился, какъ быть! Онъ вѣдь малоумный, скотъ безумный, а не человѣкъ, да не ждалъ я отъ него шали такой. Подобралъ я его юродиваго изъ грязи, и жилъ онъ у меня только для ради юродства своего и потѣхи; въ посмѣхъ да въ одурь женихомъ его прозвали;**

смѣшками да смѣшками — а тутъ, поди вонъ куда свиную голову его нелегкая угораздила!

ВЕСНА.

Благо въ плечахъ просторенъ: много ремня ляжетъ, будетъ чѣмъ поднять.

УДАЧА.

Не вели его бить, Князь, прости ради праздника!

РУДИГАРЪ.

Юродивому не дашь ума, Князь, прости, ради нашего и своего веселья!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Благодушные жъ вы, Княжичи!

БРАКОВИТЪ.

Прости его, Князь, покинь!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Ради васъ, дорогіе гости мои, все, что ни пожелаете: эй, выкинуть этого вепря на улицу, каковъ есть, да чтобъ и духу его не было во дворѣ моемъ! *(Подаетъ сосѣду турій рогъ, отпивъ самъ.)* Пускайте жъ

еще разъ братину въ круговую, дорогіе и славные гости мои, а за тѣмъ и на отдыхъ. Заутре, коли въ угоду, въ чистое поле, да пустимъ рѣзваго кречета на сѣраго гуся; а нынѣ, вечеркомъ да холодочкомъ, проплывемъ маленько по рѣкѣ, на золоченомъ стругѣ; и дочь моя, Княжка Зорюшка, съ нами, да выйдемъ въ лугахъ, пройтись прогулкой. ***(Встаютъ и расходятся.)***

На терему Княжны Зори.

КНЯЖНА, ТОРГОВЫЙ ГОСТЬ ***услужливо раскидываетъ передъ нею дорогія ткани; СѢННЫЯ ДѢВУШКИ.***

ТОРГОВЫЙ ГОСТЬ.

Золота Княжна!
Не приглянется ль
Объяринна тебѣ
Паволока?
Веницейскій есть
Аксамитъ хорошъ;

Любо, вотъ, возьми
Парчи Греческой —
Что приглянулось,
Золота Княжна?

ДѢВУШКА.

Багрянецъ струистый куда хорошь!

ДРУГАЯ ДѢВУШКА.

А съ отливомъ этотъ, изъ какихъ земель?

ТОРГОВЫЙ ГОСТЬ.

Изъ заморскихъ все,
Мои красавицы,
Все изъ за–моря:
Въ Царе–градъ ходилъ
На куницъ–соболей
Размѣнивалъ:
За одну парчу
Далъ два–сорока,
Полъ–пята–ста будетъ
Своя цѣна!...
Что приглянулось,
Золота Княжна?

КНЯЖНА.

Пусть родитель мой самъ что выберетъ!

ТОРГОВЫЙ ГОСТЬ.

Золота Княжна!
Самъ родитель твой
Что пресвѣтлый Князь,
Мнѣ, холопу сво'му
Недостойному
Передъ очи твои
Очи ясныя,
Повелѣлъ снести
Что ни лучше есть;
Золота Княжна!
Не приглянется ль
Объяринна тебѣ
Паволока?
А–ль камки тебѣ
Бѣлохрущатыя?
Веницейскій есть
Аксамитъ хорошъ,
Любо, вотъ, возьми
Парчи Греческой!

КНЯЖНА, ***отошедши во время рѣчи купцовой впередъ.***

Что цвѣла въ теплицѣ, въ родномъ, тепломъ саду,

Подъ густымъ, могучимъ кленомъ ала маковка —

Свѣтъ–ли дѣвица, у отца родима за пазухой!

А къ добру ли, къ худу ль, на чужбину ей итти далекую,

Покидать свое родимо гнѣздышко за вольный свѣтъ?

Ты одинъ бы, Князь, мнѣ и любъ и милъ ты красавецъ — Князь —

Да зачѣмъ же васъ много что–то понаѣхало?

Испужалося мое сердце, вишь, захолонуло……

ДѢВУШКА.

Изрони, Княжна, ненарокомъ слово ласковое,

Взвесели свое сердечушко, улыбнись на вольный свѣтъ!

ДРУГАЯ.

И почемъ тебѣ свѣтъ–Княжна горе мыкати?

Женихи у т'я Княжна молодецкіе,

И родитель твой тебя милуетъ и балуетъ,

Дорогими ли подарками жалуетъ...

ПЕРВАЯ.

А женихъ–этъ на окромѣ почествуетъ:

Онъ перстней, серегъ жемчугомъ саженыхъ

Навезетъ тебѣ...

КНЯЖНА.

Полно, болтушки, вамъ! Твоя воля, родитель мой, батюшка!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ, ***входитъ; все низко ему кланяются, Княжна также, потомъ цалуетъ ему руку, а онъ ее въ чело. Князь, обращаясь къ Торговому Гостю.***

А, ты уже здѣсь! ***(Дочери.)*** **Здравствуй, Зорюшка моя, сто разъ на день и все**

здравствуй, моя Зорюшка! да не ужто жъ и впрямъ придется мнѣ вымолвить тебѣ: прости? *(Постороннимъ)* Подите на годинку!

(Они выходятъ, низко поклонившись.)

ЗОРЯ.

Вѣдь на это власть и воля твоя, родитель мой: не отдавай меня еще, я молода; дай пожить съ тобою!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, моя Зорюшка, молодыхъ–то и отдавать, коли Богу угодно, а женихи хоть куда; вотъ Мурманскій, наприкладъ, чѣмъ не женихъ? чего ты, ландышь мой, голову повѣсила? А ты знаешь, сказываютъ, коли въ дѣвкахъ просидишь до сѣдой косы, на томъ свѣтѣ козловъ пасти станешь? а?

ЗОРЯ.

Скучно, батюшка; мнѣ отъ тебя итти еще въ новинку!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Сойка ты моя союшка! да погляди жъ на меня веселѣе, не то и меня тоска возьметъ!

ЗОРЯ ***кидается и обнимаетъ его.***

Я весела, родитель мой, поколѣ на тебя гляжу!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

А гостить у меня будешь? а? сказывай — погостить къ отцу пріѣдешь? не позабудешь его? ***(Зоря схоронила лице на груди родительской.)*** **Ну, кто же твой суженый? — сказывай!**

ЗОРЯ.

Твоя святая власть родительская, а я дитя твое неразумное!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

За что такъ? Нѣтъ, я тебя и самой себѣ въ обиду не дамъ; ты дитя мое разумное. Ну, сказывай же, мнѣ скажи, родителю своему, Царевичъ, что ли?

ЗОРЯ.

О....

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Что? нелюбъ? ну Болгарскій? ***(Княжна въ раздумьи потрясаетъ слегка головой.)*** **И этотъ нѣтъ? Ну, это не бѣда, на этомъ**

спасибо тебѣ, дитя мое, благо въ запасѣ есть. Говори же, сказывай, хочешь за Мурманскаго? — Что жъ молчишь, ненаглядная моя, родитель тебя спрашиваетъ — хоть кивни головкой! ***(Княжна опять слегка потрясаетъ головой.)*** **Нѣтъ? и это не тотъ — э–эхъ, Зорюшка, а мнѣ бы больно хотѣлось Мурманскаго Королевича — а? я вѣдь съ нимъ уже почитай что по рукамъ ударилъ — какъ же быть? Такъ стало быть Удача, князь Карпатскій? а я было пришелъ, дай, думаю себѣ, погляжу хоть, какъ кивнетъ она головкой, милому суженому сво'му; хоть такъ–де, для ради прикладу, къ слову пришлось, распотѣшитъ она меня на старости лѣтъ — а ты вонъ что дѣлаешь! Зорюшка, полюби Королевича; полюбишь что ли? Говори же мой вольный свѣтъ! Ну погляди же на него ноньче, вѣдь молодецъ онъ, и наслѣдье за нимъ богатое: погляди, да скажи мнѣ ужо что полюбила: да уберись–ка показистѣе, поѣдемъ въ луга пройтись прогулкой — ну что жъ ты,**

василекъ мой, подыми головку, глянь на отца!

(Зоря кидается въ отцовскія объятія, занавѣсъ падаетъ.)

Мѣсто передъ Мухояровымъ кружаломъ.

НАРОДЪ ***гуляетъ; вдалекѣ рожокъ и пѣсни.***
Толпа собралась вокругъ слѣпаго **ГУДОЧНИКА,** ***кто сидя, кто стоя.***

ГУДОЧНИКЪ, ***оканчивая стихъ свой, подыгрываетъ себѣ на гудкѣ. Стихъ поется говоромъ, безъ растяжки, но и не скороговоркой.***

— А и не всякому, молвилъ Князь Гориславъ, мирволить:
Умнаго похолить, глупаго приневолить;
Воля–неволя, да такая наша доля,
Нужда родитъ умъ, да бѣда, а не холя.

Ходилъ ты еси нынѣ по барской колеѣ,

Пройдись цѣлиной, поживитка въ тяглѣ!

— И постигла опальнаго боярина невзгода,

Что сталъ онъ простаго холопьяго рода...

1–й МУЖИКЪ.

Ну знатно; ай да Лукіанъ гудочникъ! за это нальемъ тебѣ полну сулейку, ей–право, инно черезъ край пойдетъ!

2–й МУЖИКЪ.

Вишь ты, кака притча сталась, что и бояринъ, да угодилъ въ холопы! а жилъ было, кажись, у Князя привольно!

3–й МУЖИКЪ.

Съ жиру и собака бѣсится; прогнѣвилъ Князя, такъ и угодилъ въ опалу.

(Пѣсенники съ рожкомъ все ближе да ближе; выходятъ, замолкаютъ и подходятъ къ кружалу.)

1–й МУЖИКЪ.

Вотъ они, гуляки наши! по нихъ теперя хоть трава не рости!

1–й ПѢСЕННИКЪ.

А что жъ? Князь милостивый велѣлъ веселиться!

2–й ПѢСЕННИКЪ ***хриплымъ голосомъ.***

Ништо; и пѣсни велѣлъ пѣть!

1–й МУЖИКЪ.

Не тебѣ ли велѣлъ?

2–й ПѢСЕННИКЪ ***хрипло.***

А что жъ и мнѣ; ты дума'шь не спою?

3–й МУЖИКЪ.

Споить–то ты споишь кого угодно, и самъ любаго перепьешь; въ этомъ не споримъ.

2–й ПѢСЕННИКЪ.

Нѣтъ, горностай, не спорь; спою и я, послушай: а... уа...

1–й МУЖИКЪ.

Молчи добро, не позорь свѣту; и говоритъ–то не своимъ голосомъ, а туда же пѣть! Вотъ Лукіанъ гудочникъ спѣлъ намъ

стихъ про князя Горислава да боярина его опальнаго, такъ спѣлъ!

3–й ПѢСЕННИКЪ.

Про опальнаго воеводу, про Косаря? знаю! а слышали, ребята, и Тумакъ у нашего Князя въ опалѣ: согнали со двора!

МУЖИКИ.

Когда? какимъ побытомъ?

3–й ПѢСЕННИКЪ.

Да вотъ, мы встрѣли его; бѣжитъ, сердечный, не оглянется; а княжьи подсокольничьи да дворяне за нимъ, уськаютъ да улюлюкаютъ, а тутъ и ребятишки со всего села за нимъ же — а онъ только знай отплевывается, да бѣжитъ, да ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ!

1–й ПѢСЕННИКЪ.

Одного мальчишку поймалъ, такъ на силу отняли: ухватилъ было за ноги его, да объ–земь головой; таки вотъ убилъ было совсѣмъ: словно волкодавъ какой!

2–й МУЖИКЪ.

Въ чемъ же онъ неразумный передъ яснымъ Княземъ провинился?

3–й ПѢСЕННИКЪ.

Слышь, было въ драку полѣзъ, съ ножемъ: Князь многомилостивый жаловалъ его напередъ для ради потѣхи да юродства; ты, говоритъ, женихъ Княжны моей будешь, за тебя отдамъ ее, ни за кого какъ за тебя — ну женихъ, да женихъ, а нынѣ вотъ, какъ со всѣхъ земель Княжичи да Королевичи съѣхались, да послышалъ онъ, Тумакъ, что вотъ это–де женихи, такъ за трапезой княжьей и кинулся было на нихъ съ ножемъ. Сами дворяне княжьи сказывали.

2–й МУЖИКЪ.

И на что держать было звѣря такого? только что роговъ не видать на немъ, а то бы тебѣ туръ туромъ. Какой это человѣкъ? ни въ пляску, ни въ работу, ни изъ короба, ни въ коробъ; съ нимъ и сатана возившись упарится.

1–й МУЖИКЪ.

И не даромъ же сказываютъ, что ему и водяной и лѣшій сватами приводятся.

РАТНИКЪ.

Толкуйте вы! тутъ не то, чтобы онъ шайтану служилъ, а шайтанъ–этъ къ нему живьемъ въ кабалу пошолъ; такъ ужъ тутъ нечего калякать.

3–й МУЖИКЪ.

Вонъ оно что, поди! какъ такъ служилый?

РАТНИКЪ.

Пошолъ да пошолъ, да и только; тебѣ чего жъ еще?

ГУДОЧНИКЪ.

На немъ проклятіе лежитъ вѣкожизненно: это выродокъ нечестивый отъ міряка и кликуши.

3–й МУЖИКЪ.

Вотъ оно что, поди!

2–й МУЖИКЪ.

Какъ такъ дядя Лукіанъ?

ГУДОЧНИКЪ.

Жила была подъ Вышегородомъ воскресная кликуша, и какъ только къ достойной заблаговѣстятъ, то ее и схватитъ на паперти и ломаетъ бывало на пропалую. Тутъ отколѣ–то пришатился мірякъ, да затяжной мірякъ, что бывало и въ недѣлю разъ не заговоритъ своимъ голосомъ; бирюка услышитъ, взвоетъ по волчьи, либо зарычитъ по верблюжьи, не то туромъ гнѣдымъ, да по козлиному; отъ нихъ–то выродокъ нечестивый, проказа во лицѣ человѣческомъ и народился. Отъ того–то, ради соблазну такого, Тумакомъ его и прозвали, и другой ему нѣтъ и клички.

1–й МУЖИКЪ.

А какъ же, дядя, зовутъ его еще Межеумкомъ?

1–й ПѢСЕННИКЪ.

Ну это люди въ посмѣхъ да въ одурь прикинули.

ГУДОЧНИКЪ.

Межеумокъ тотъ же Тумакъ и есть; все одно.

2–й МУЖИКЪ.

А за кого же Княжну нашу, голубицу–госпоженку, выдаютъ? не слышно?

РАТНИКЪ.

Понаѣхало жениховъ, вишь, много, за кого разсудитъ батюшка Князь.

3–й ПѢСЕННИКЪ.

Слышно, что прочитъ за Мурманскаго.

2–й ПѢСЕННИКЪ ***хрипло*****.**

Эка нашли нѣмца голенастаго!

РАТНИКЪ.

Ой ты, дурь гологоловая! вѣдь онъ Королевичъ!

2–й ПѢСЕННИКЪ.

Ну да что жъ, коли и Королевичъ! ужъ все ему супротивъ нашихъ Князей не вытянуть!

ГУДОЧНИКЪ.

Наслѣдье у него раздольное, рати закаленыя, бердыши харалужные, шеломы златочеканные, струги мореходные подъ вѣтрилами, Божьимъ вѣтромъ помыкаемы и для натисковъ морскихъ приспособлены. Ни парча ни паволока мимо ихъ рукъ до насъ не дойдутъ; Мурманцы со зміями морскими во дружбѣ живутъ, на нихъ и плаваютъ: на землѣ владыкъ мірскихъ много, а ужъ на морѣ нѣтъ супротивъ Мурманца.

РАТНИКЪ.

А сказываютъ дворяне княжьи, де–скать сѣнныя дѣвушки промолвились, — Княжнѣ Карпатскій Князь приглянулся.

1–й МУЖИКЪ.

И что за дѣтина! только глянуть на него, такъ такъ и знать уже что голова удатная!

ГУДОЧНИКЪ.

И его наслѣдье богатое: конники ихъ быстрые, горы золотыя, богатству смѣты нѣтъ.

РАТНИКЪ.

Крылатый конь, что летки перены перьями орлиными, только у нихъ на погорьи и водится.

3–й МУЖИКЪ.

Вотъ оно что, поди!

РАТНИКЪ.

Да и дѣдушка княжій, сусѣдко то–есть, домовикъ, сказываютъ стоитъ за Карпатскаго. На Мурманскаго, а и пуще того на Царевича Армянскаго, коней не напасешься: что ни подготовятъ, то за ночь въ мыло вгонитъ, да скопытитъ; а у Карпатскаго, слышь, какъ пріѣхалъ къ Князю нашему, сказывалъ вечоръ конюшій, кони до зари напоены, выхолены, вычищены, и конюхамъ нѣтъ заботы.

1–й МУЖИКЪ.

Сусѣдко извѣстно за Княжну, голубицу нашу, стоитъ; онъ ее, небось, въ обиду не дастъ, и въ приданое, чай, за ней пойдетъ, не отстанетъ.

2–й МУЖИКЪ.

Батюшки Князя жаль только, коли покинетъ его дѣдушка; бывало боронитъ отъ всякой напасти.

РАТНИКЪ.

Что правда, то правда. За то Князь ему и свое стойло отвелъ, и котораго коня полюбитъ дѣдушка, того про него и пасетъ. Нынѣ вотъ аргамакъ сѣрый на почетѣ стоитъ, ему и гону нѣтъ окромѣ; одинъ только дѣдушка на немъ и ѣздитъ.

ДРУГОЙ РАТНИКЪ.

Да что жъ мы, даромъ что ли, пришли на погулъ къ вамъ, охлестыши мухортые? чего глядите, служилыхъ людей не почествуете?

1–й РАТНИКЪ.

Разбирайте по одному на брата; нынѣ и Князь приказалъ гулять, такъ и намъ же не на тощакъ плясать!

3–й МУЖИКЪ.

Ну, гулять такъ гулять! поди же шеломянинъ, я съ тобою!

1–й МУЖИКЪ.

А я съ тобою, Свайка!

2–й МУЖИКЪ.

А мы промежъ собой, Тугоухій, да съ добрыми людьми!

(Общее движеніе; изъ кружала выносятъ стопы съ медомъ; пѣсенники поютъ, подъ рожокъ, гудочникъ играетъ, мужики пляшутъ, занавѣсъ опускается.)

Мѣсто у бѣлаго камня.

Посрединѣ поставленъ торчмя бѣлый камень; слѣва сельскій выгонъ и вдалекѣ видѣнъ княжій теремъ; справа, спереди, примыкаетъ лѣсъ, а въ глубинѣ озеро.

ТУМАКЪ ***входитъ со стороны терема.***

Такъ вытолкать Тумака, выкинуть на улицу, на съѣденіе псамъ? какъ ты сказалъ, Князь? «Вонъ, моржъ клыкастый, выродокъ непоятый и нерожденный! Избить

его батогами на конюшнѣ, да выкинуть, коли живъ будетъ, въ подворотню, чтобъ и духу его тутъ не было!» Ась? какъ ты сказалъ? ха! ха! ха!... А, Тумака обманулъ, дочери не далъ? А за что женихомъ звалъ семь лѣтъ, пять лѣтъ, много лѣтъ? Княжны не даешь Тумаку? О, постой! живъ Тумакъ еще, живъ! Тумакъ пойдетъ въ лѣсъ, грызть будетъ жолуди, жевать станетъ сосновую кору — подавись ею Тумакъ, распухни отъ нея Тумакъ, околѣй отъ нея Тумакъ, а дядю отыщи, да въ ноги ему повались; да проси, чтобы Князя обидѣлъ; да! А, бывало: Тумакъ межеумокъ, Тумакъ женихъ — а теперь моржъ, гадина, уродъ! отчего такъ это, а? не даешь Княжны, а говоришь: женись на пѣгой кобылѣ, вотъ невѣста! Тумакъ уродъ? Да нешто онъ самъ себя родилъ, нешто онъ кроилъ изъ юфти кунгурской рожу свою, да прикроилъ на двѣ пары голенищей, что широка, да долга больно стала? Нѣтъ, врете вы; мать была, отецъ былъ; вы говорите: мать была кликуша, а отецъ пришатившійся мірякъ — сатана васъ потроши совсѣмъ! дядя у меня

живетъ о сю пору въ лѣсу, другой дядя живетъ вотъ тутъ, въ омутѣ, на руслѣ; да этотъ лучше, лѣсной не любитъ никого. Кланяйся ему Тумакъ, въ ногахъ валяйся у него Тумакъ, чтобы только обидѣлъ Князя: въ ноги, да откуси ему большой палецъ, вотъ этотъ — ха! ха! ха! ***(Издали въ лѣсу ржетъ лошадь.)*** **Вотъ онъ, вотъ мой дядя! ау–а–у!!** ***(ЛѢШІЙ отзывается; аукаются — ЛѢШІЙ входитъ, вровень съ деревьями, а подходя къ Тумаку, малѣетъ шагъ за шагомъ до росту человѣка.)***
Идетъ, идетъ! Обидь Князя, дядя, обидь, а мнѣ отдай невѣсту!

ЛѢШІЙ.

Чего выродокъ хрюкаешь тутъ? на что тебѣ дядю?

ТУМАКЪ.

Дядя! обидь Князя, обидь! ***(Падаетъ въ ноги)*****.**

ЛѢШІЙ.

Ну, что такое, говори! ты хоть человѣчье мясо, да наша кровь; тебя ину пору послушать можно, сказывай!

ТУМАКЪ ***плачетъ, стоя на колѣняхъ.***

Выгналъ онъ меня, изругалъ онъ меня, въ батоги велѣлъ принять...

ЛѢШІЙ.

Такъ что жъ, первинка тебѣ, что ли? а коли первинка, такъ поди, проси, чтобы въ другой разъ выпороли; свыкнешься и не растанешься. Скажи имъ, чтобы сперва одну шкуру кончали, а тамъ ужъ за другихъ принимались!

ТУМАКЪ.

О дядя! что хо'шь заставь дѣлать, только обидь Князя, да отдай мнѣ княжну, невѣсту мою; самъ Князь бывало женихомъ меня зоветъ: ты, говоритъ, женихъ, Тумакъ; а теперь выгналъ, нашелъ другихъ жениховъ, имъ отдаетъ Княжну, а мнѣ нѣтъ, меня и знать не хочетъ...

ЛѢШІЙ.

Какіе тамъ женихи? а–ль ты такъ, погнулъ опять кривую?

ТУМАКЪ.

Нѣтъ, дядя, правду я тебѣ говорю, хоть сейчасъ вотъ голову въ ступу, да толки! не даетъ мнѣ Княжны, а сперва, прежде…

ЛѢШІЙ.

Постой, тюленья чекуша, не въ ту сторону понесъ: ты говоришь, Княжну Зорюшку отдаютъ? Совралъ, что ли еси?

ТУМАКЪ.

Отдаютъ, вотъ хоть распинай меня, отдаютъ; пріѣхалъ ви'шь Болгарскій, да Армянскій, да Царевичи, да Королевичи, и заутре помолвка! А тамъ и женятся, да и увезутъ ее съ собою въ Карпаты, а тамъ и поминай какъ ее звали, туда меня и не пустятъ! дядя! выручи, изломай Князя и съ женихами, да отдай мнѣ невѣсту!

ЛѢШІЙ.

Послушай, Тумакъ, люди прозвали тебя Межеумкомъ…

ТУМАКЪ.

Да, дядя, Межеумкомъ люди зовутъ...

ЛѢШІЙ.

Постой, тебѣ говорятъ, дупло трухлявое, слушай меня: коли ты межеумокъ, такъ стало–быть есть въ осиновой головѣ твоей съ ползолотника сердцевинки; умъ не умъ, а хоть такъ, небольшой прожилокъ помягче кости. Слушай же: намъ надо Княжну добыть, чтобы Карпатскій Князь ее не увезъ; а вмѣстѣ, дружно, мы ее добудемъ. Ты знаешь, за гранью этой, за межой, у меня власти и воли нѣтъ; тутъ сошлися, клинъ клиномъ, вотъ у того камня, гдѣ положили утопленика, три царства: вотъ это княжій выгонъ, подъ властью свата Домоваго; озеро вотъ, да къ нему мочижинка, это вотчина брата моего, Водянаго, тутъ онъ плодится и множится съ русалками своими — и это не мое. А вотъ лѣсъ этотъ, что примыкаетъ клиномъ сюда же, гдѣ я живу сто годовъ со прилѣтками въ постыломъ одиночествѣ своемъ — это мое наслѣдье, тутъ я самъ себѣ господинъ:

Завываю иволгой призывною,

Разсыпаюся разгульнымъ хохотомъ,

То косячнымъ жеребцомъ заржу,

Распотѣшусь молодецкимъ посвистомъ...

Это все мое, тутъ своя рука владыка;

Да поди–вотъ другаго замани–ка!

Хитеръ больно народъ сталъ, не старые годы!

Пошли у нихъ, ви'шь, объѣзды да обходы,

А ко мнѣ ни ногой! Послушай же сватъ,

Не отбивайся ты у меня отъ Княжьихъ палатъ:

Поди да вотрись; проползи ты псомъ въ подворотню, прокрадься кошкой по жолобу кровельному, проползи гадиной по водосточной трубѣ, а будь тамъ, да вотрись въ милость: Княжна прохаживается ину пору, станетъ она гулять и нынѣ; ты и подведи ее сюда вечеркомъ, наври что знаешь, а приведи, да передай ее только черезъ межу, такъ она и наша! Коли неравно сунется за нею женихъ какой, такъ

мы, небось, и съ нимъ управимся: либо отведемъ его, зааукавши, что не вылѣзетъ до бѣла–дня, либо передадимъ вонъ туда *(кивнувъ головой на озеро)* — тамъ голодный годъ на полюбовниковъ, отказу не будетъ! *(Раздается хохотъ русалокъ.)* Вонъ онѣ, выдры мокрыя, ужъ и подслушали! Ну, смекнулъ, что ли?

ТУМАКЪ.

О, смекнулъ, дядя, смекнулъ! не даромъ люди межеумкомъ зовутъ! О, дядя, только обидь ты Князя, отдай мнѣ Княжну, а я вѣкъ на тебя рыломъ хрѣнъ копать стану!...

ЛѢШІЙ.

Что и баить, я знаю, что ты и затылкомъ грамоту разбираешь! Ступай же, да смастери помоему, коли далась тебѣ наука, тори по тореному, такъ вырости мнѣ лиственица промежъ лапатокъ, да пусти корни свои до грудей, коли Княжна не будетъ наша!

(Уходитъ.)

ТУМАКЪ.

А мнѣ — врости вотъ лапа моя въ дубъ вѣковой, коли не доѣду я Князя, коли кто вдругорядъ меня проведетъ, либо кому въ обманъ дамся! Князь–этъ съ Княжной и съ женихами прохаживается по лугамъ, видѣлъ я ихъ какъ сюда бѣжалъ — я подобьюсь, проведу ихъ, обморочу — либо проведу, либо ужъ пусть изобьютъ какъ собаку, буду въ ногахъ ползать, поколѣ не издохну!

(Идетъ.)

РУСАЛКИ ***плывутъ по озеру.***

Тумакъ! Тумакъ! Тумачокъ!

ТУМАКЪ.

Кто кличетъ? чего надо?

1–я РУСАЛКА.

Тумакъ, Тумакъ, Тумачокъ!

2–я РУСАЛКА.

Постой миленькой дружокъ!

3–я РУСАЛКА.

Дай маленько пощекочемъ!

4–я РУСАЛКА.

Побалуемъ, похохочемъ!

ТУМАКЪ.

Убирайтесь вы, какъ дядя сказалъ, выдры мокрыя, отъ Тумака; надъ Тумакомъ нынѣ полно потѣху тѣшить, Тумакъ самъ пошолъ за потѣхой!

(Идетъ.)

РУСАЛКИ ***перекликаются.***

Тумакъ! дуракъ! Тумакъ! мірякъ! Тумакъ! Тумачокъ! мірячокъ! Тумакуша! кликуша!

ТУМАКЪ ***воротившись.***

Дуры вы, дуры, дуры, выдры мокрыя, и все, и все, и все...

(Русалки хохочутъ, выплываютъ и выходятъ на берегъ.)

1–я РУСАЛКА.

Постой же голубчикъ —

2–я РУСАЛКА.

Да молви словечко!

3–я РУСАЛКА.

Подойди же, любчикъ!

4–я РУСАЛКА.

На, возьми колечко!

5–я РУСАЛКА.

Стойте жъ, сестрицы, мои умницы,

Дайте жъ вправду слово вымолвить!

Тумачокъ–душа, слушай, моя ягодка,

Ненаглядный ты красавчикъ, головастикъ мой!

Приведи ты намъ сюда Князя Карпатскаго,

Передай ты намъ его съ рукъ на руки,

Перекинь ты его черезъ злую грань–межу

Да на царство наше ключевое, водное,

Дай намъ на–смерть друга милаго защекотать!

6–я РУСАЛКА.

Приведи, голубчикъ, Князя намъ Карпатскаго!

Зацалуемъ мы за то тебя, головастика.

1–я РУСАЛКА.

Заколышемъ на бѣлыхъ грудяхъ.

2–я РУСАЛКА.

Замилуемъ сердце къ сердцу обнявъ!

ТУМАКЪ.

Душеньки, любочки, умницы! *(Становится на колѣни.)* Обидьте Князя, утопите у него жениха!

3–я РУСАЛКА.

Утопимъ, утопимъ, только приводи!

4–я РУСАЛКА.

Поди же сюда, дай въ задатокъ поцаловать себя!

5–я РУСАЛКА.

Поди, черепашка моя, хоть поздоровайся!

ТУМАКЪ.

Иду, иду!

(Бѣжитъ опрометью, хотя и мѣшковато, къ русалкамъ; онѣ поочередно цалуютъ и обнимаютъ его, столпившись вокругъ, потомъ съ крикомъ принимаются

его щекотать, приговаривая: **голубчикъ! соменокъ! головастикъ! тюлень!** ***Тумакъ кричитъ не своимъ голосомъ.)***

ЛѢШІЙ ***выходитъ изъ лѣсу.***

Мартышки! что вы это дѣлаете? Экая выхухоль перепончатая, полоскуши мокрыя!

(Русалки отступаются отъ Тумака.)

6–я РУСАЛКА.

Ну, ну, свѣтъ–сосѣдъ, чего такъ разшумѣлся!

ЛѢШІЙ.

Покиньте, говорю, его, не поганьте рукъ; мы на этой падали и росомаху и волка убьемъ; по вашему: этотъ соменокъ мнѣ красноперую золоторыбицу, а вамъ карася саженаго приведетъ; киньте жъ его, не то брату Водяному пожалуюсь, какъ воротится!

1–я РУСАЛКА.

Мы съ нимъ только побаловали, дядя!

2–я РУСАЛКА.

Только персты повыправили! приводи же, смотри, Карпатскаго Князя, гляди, приводи!

ТУМАКЪ.

Приведу, окаянныя, приведу! и ползать буду я передъ вами, и лбомъ пожалуй, водяныхъ орѣховъ набью вамъ, и шесть и пятнадцать орѣховъ, только обидьте вы

моего стараго Князя, утопите у него жениха!

(Уходитъ, русалки перекликаются, рѣзвятся, и свившись хороводомъ, уплываютъ.)

ЛѢШІЙ.

Только приведи ты мнѣ ее, да передай — тебѣ мы найдемъ мѣсто, пристроимъ, небось, что бы не вязался за мною — а Зорюшка–то будетъ моею любушкой! О, да и давно же я за нею порывался, давно бы радъ изъ шкуры своей выскочить, кабы вырваться, да приголубиться къ ней; такъ домовой больно сторожекъ у нихъ, нѣтъ приступу: погонись я за нею хоть на полпяди за межу, княжій домовой меня искалѣчитъ! А что, кабы выродокъ нашъ и вправду метнулся, да управился? Что жъ, бываетъ, и воронѣ ину пору удается поймать утенка! А ясный–этъ соколъ не дремлетъ, налетитъ кубаремъ, только свиснетъ да шикнетъ — и карга глупая изъ кохтей въ кохти передастъ ему поживу, сама не посмѣетъ и крякнуть! Унесу я ее, обойду и пущу — во вѣки вѣковъ не

выплутается; либо бабкина тетка, баба яга, дастъ ей любжи испить, и слюбится со мной поневолѣ! то то заживемъ.

(Занавѣсъ падаетъ.)

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Мѣсто у Бѣлаго Камня.

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ, КНЯЖНА, ЦАРЕВИЧЪ, КОРОЛЕВИЧЪ, КНЯЗЬ, КНЯЖИЧЪ, СѢННЫЯ ДѢВУШКИ, КНЯЖЬИ ДВОРЯНЕ*; напереди всѣхъ* ТУМАКЪ.

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Куда–жъ ты, чудище, уродъ, ведешь насъ? *(Оборотень вскрикиваетъ пѣтухомъ и пробѣгаетъ зайцемъ.)* Что это? оборотень? онъ и есть! куда ты, падаль, тащишь насъ? зачѣмъ?

ТУМАКЪ.

О, Князь, вотъ, вотъ, пришли; тутъ свѣтлякъ — да какой свѣтлякъ — а сказалъ дядя — дивный свѣтлякъ! а Княжнѣ твоей свѣтляка поймать хочется; — и какой свѣтлякъ, вершковый!

КНЯЖНА.

Гдѣ? позволь же мнѣ, родитель дорогой, потѣшиться

И не княжеской потѣхой, а ребяческой!

Гдѣ, Тумакъ ты мой вѣрный, свѣтляка нашелъ?

Я люблю ихъ ясны искорки, гдѣ–же онъ?

ТУМАКЪ.

Вотъ тутъ былъ, вотъ — я найду — сюда!

(Сѣнныя дѣвушки идутъ за Тумакомъ, ищутъ въ травѣ, Княжна ихъ опереживаетъ.)

КНЯЖНА.

Красныя, спасибо вамъ, да я сама найду!

Свѣтлячокъ мой свѣтлякъ, куда запрятался?
А ль зори боишься, да въ темную затаился ночь?

***(ЛѢШІЙ** аукаетъ,* **РУСАЛКИ** *отзываются;* **ТУМАКЪ,** *аукнувъ, схватываетъ Княжну и кидаетъ ее сразмаху черезъ грань, прямо на руки Лѣшему, который съ нею пропадаетъ.* **КАРПАТСКІЙ КНЯЗЬ,** *обнаживъ мечъ, первый кидается за нею;* **РУСАЛКИ** *оплетаютъ его руками и уносятъ на озеро. Всѣ разбѣгаются врознь, кто впередъ, кто назадъ;* **ТУМАКЪ** *убѣгаетъ,* **КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ, ЦАРЕВИЧЪ, КОРОЛЕВИЧЪ** *и* **КНЯЖИЧЪ** *кидаются съ мечами на-голо въ лѣсъ.)*

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

За мной, за мной! мое дѣтище, мое чадо, Зорюшка моя!

(Слышенъ отдаленный хохотъ Лѣшаго; всѣ слова Князя и прочихъ повторяются съ разныхъ сторонъ отголосками; крикъ и припѣвы русалокъ; напослѣдяхъ слышенъ

замирающій хохотъ и стоны Князя Карпатскаго.)

ДОМОВОЙ ***входитъ немного погодя, со стороны терема.***

Нижетъ солнышко дни свои златокрылые
Что Княжна Русская свой скатной жемчугъ:
Черезъ зернышко по цвѣтному каменю,
Черезъ день свѣтлый по темной ноченькѣ.
Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю!
Спите, други, почивайте, кого сонъ одолѣлъ,
Кого совѣсть чуткая не отбила ото–сна;
Чью головушку не одолѣла кручинушка,
Ни лихая болѣзть крови тѣла бѣлаго!
Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю.
Кошуйтесь, дѣтки, живите въ ладу и въ миру;
Можно шутку зашутить, проказу безобидную:
Глупому ума дать, одурачить ревниваго —
А обиды и грѣха и напасти горькой бойтеся!

Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю.

Кто полюбитъ кого, люби довѣку, не откидывайся;
Кто слуга кому, служи правдою, господина не продай;
И не выдамъ я своей Княжны–госпоженки,
И не дамъ въ обиду Зорюшку я свату–лѣшему!

Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю.

Кто обидитъ меня — жеребца любимаго въ подворотню протащу —Загоню на–смерть въ одну ноченьку трехъ борзыхъ коней;
Обтрясу въ саду груши–яблони, гряды вымну всѣ;
А что ложки и плошки — съ поставца въ лахань кину помойную.

Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю.

А кто мирно со мной по добру живетъ, во любви держу;
Кони выхолены, дворы выметены, ухожи прибраны —

И не выдамъ я своей Княжны красной госпоженки,
И не дамъ я Зорюшку въ обиду свату–лѣшему.
Миръ и покой вамъ, баю–баю,
Спи–почивайте, баю–баю.

РУДИГАРЪ, БРАКОВИТЪ и **ХОЧАТУРЪ,** ***входятъ съ разныхъ сторонъ,*** **ДОМОВОЙ** ***пропадаетъ не сходя съ мѣста.***

ВСѢ ТРОЕ.

Что, что, что?

РУДИГАРЪ.

— Что жъ, нашли Княжну, нашли?

БРАКОВИТЪ.

Не знаю — не видать.

ХОЧАТУРЪ.

— Нѣтъ, не видать!

РУДИГАРЪ.

Чего жъ сошлись мы? Разсуждать? Князья,
Честь честью, но за чѣмъ же вы сошлися,

Кто справа, а кто слѣва, и по слѣдамъ
Горячимъ не слѣдили вора?

ХОЧАТУРЪ.

Я, Королевичъ, семьдесятъ седьмое
Звено, вѣнчаннаго Арменіи
Короной поколѣнья; и — честь честью,
А ни къ кому въ науку не пойду!

БРАКОВИТЪ.

А я, оставя прадѣдовъ своихъ въ покоѣ,
Спрошу Кралевича — честь честью — ужъ не мы–ль
Его сюда зазвали за собою?

РУДИГАРЪ.

Ну ужъ меня, Князья, увольте отъ упрековъ...

БРАКОВИТЪ.

И чуръ меня; и я не виноватъ!
Да–полно–те, Князья; не насмѣшить
Бы намъ людей, когдабъ теперь до смѣху:
И не пришлося бы кому изъ насъ
Кормить три десята калѣкъ да нищихъ!

РУДИГАРЪ.

Ну вотъ! однакожъ надо столковаться:
Я говорю, что выбился изъ силъ;
Я латы и шишакъ исколотилъ
О пни и сучья, на голосъ бѣжалъ —

БРАКОВИТЪ.

Я также, Князь; я все бѣжалъ на крикъ
И съ вами здѣсь сошелся!

ХОЧАТУРЪ

И я также!

РУДИГАРЪ.

Дѣла пречудны! на голосъ и съ трехъ
Сторонъ; такъ стало быть на этомъ мѣстѣ
И голосъ поданъ былъ, когда всѣ трое
Сошлися здѣсь?

(Оглядываются.)

БРАКОВИТЪ.

Однакожъ посмотрите,
Князья, вѣдь мы стоимъ на томъ же мѣстѣ
Отколѣ погнались за воромъ:
На томъ же, гдѣ исхитили Княжну;
Мы заплутались!

РУДИГАРЪ.

Да, точно; стойте: дайте опознаться —
Вотъ это, видно, лѣсъ; а мы пришли....

ХОЧАТУРЪ.

Намъ надобно итти сюда, вотъ такъ —

БРАКОВИТЪ.

Куда, Кралевичъ? Нѣтъ, коли сюда
Пойдешь, такъ хоть бы семьдесятъ прожить
Тебѣ досталось поколѣній, врядъ ли
Найдешь Княжну; тутъ княжій теремъ!

РУДИГАРЪ.

Вотъ бѣлый камень — тамъ вонъ озеро,
А теремъ будетъ тамъ, — а эдакъ лѣсъ!

БРАКОВИТЪ.

Ну вотъ еще! одинъ другаго лучше!
Тамъ озеро, а вонъ гдѣ лѣсъ!

РУДИГАРЪ.

Ступайте жъ,
Кто въ лѣсъ, кто по дрова; а я пойду
Своимъ путемъ, сюда! ***(Уходитъ.)***

БРАКОВИТЪ.

А я сюда;

А ты туда, Царевичъ; такъ придешь, Дастъ Богъ, здоровъ и живъ ты въ Княжій теремъ!

(Уходитъ; Хочатуръ, подумавъ, идетъ въ третію сторону.)

ДОМОВОЙ ***выходитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ.***

Ихъ лѣшій обошелъ; тѣмъ лучше — они отъ межи моей не отобьются; а чтобы не надѣлали они мнѣ пустой тревоги да помѣхи, такъ я ихъ угомоню! ***(Становится на средину и прыщетъ во всѣ десять пальцевъ на всѣ четыре стороны.)*** **А кто выйдетъ на мѣсто это по второму и третьему разу, въ другожды, въ третижды, въ сію ночь, въ сей часъ, въ сей мигъ — тотъ спи сномъ непробуднымъ до бѣла свѣта, до зари–зорюшки утренней, поколѣ Зорюшка наша не увидитъ на семъ же мѣстѣ зорю–зорюшку утренню, сестреницу свою: слово мое крѣпко.** ***(Пропадаетъ на мѣстѣ.)***

БРАКОВИТЪ ***входя оглядывается.***

Кой чортъ! опять на томъ же мѣстѣ! чудно;
Я одурѣлъ совсѣмъ — и выбился
Изъ силъ; присѣсть, да отдохнуть хоть...
(Ложится и засыпаетъ.)

РУДИГАРЪ и ХОЧАТУРЪ. ***(встрѣчу одинъ другому.)***

РУДИГАРЪ.

Опять ты здѣсь Царевичъ!

ХОЧАТУРЪ.

Да; а ты?

РУДИГАРЪ.

А я — да я какъ словно кто меня
Перелобанилъ чѣмъ, да очекушилъ —
Ну словно хмѣль...

ХОЧАТУРЪ.

Вотъ этому я вѣрю!

РУДИГАРЪ.

А я такъ нѣтъ; и вижу, да не вѣрю.
Кто это? самъ Болгарскій! молодецки!
Ай Князь, ай бабинъ сынъ! онъ отдыхаетъ!
Я пристыжу его! эй Княжичъ! Княжичъ!

(Хочетъ разбудить Княжича, нагнувшись къ нему, мямлетъ что–то, ложится рядомъ и засыпаетъ.)

ХОЧАТУРЪ.

Ха, ха, ха! Ай да Королевичъ! хорошь;
Меня съ насмѣшкой въ теремъ посылалъ,
А самъ... однакожъ я и самъ усталъ...

(Ложится.)

И одолѣла что–то потягота...

(Засыпаетъ.)

ОКОЛЬНИЧІЙ и КОНЮШІЙ

(входятъ съ разныхъ сторонъ.)

ОКОЛЬНИЧІЙ.

Что, нашли? гдѣ Княжна? гдѣ Князь?...

КОНЮШІЙ.

А я тебя, бояринъ, хотѣлъ спросить; не вѣдаю; о Господи Боже мой! за какіе грѣхи насылаешь искушеніе!

ОКОЛЬНИЧІЙ.

Да зачѣмъ же ты, старая оглобля, воротился сюда? погляди: вѣдь мы опять на то же мѣсто вышли!

КОНЮШІЙ.

Оно такъ и есть, бояринъ; Богу извѣстно и вѣдомо, съ чего и какъ это сталось — Ему одному только все и вѣдомо!

ОКОЛЬНИЧІЙ.

Ступай, ищи Князя, иди не заикнись; я пойду сюда!

КОНЮШІЙ.

Куда, бояринъ, вѣдь ты къ терему пошолъ; вонъ и дорога!

ОКОЛЬНИЧІЙ.

И то такъ! я съ испугу, словно съ похмѣлья — такъ сюда, стало быть? пойдемъ!

КОНЮШІЙ.

Пойдемъ, бояринъ; и что за диковина сталась надъ нами — Господи Боже мой! *(Уходятъ.)*

СТАРЫЙ РАТНИКЪ ***входитъ и оглядывается.***

Тутъ просто лѣшій обошелъ: и толковать нечего. Изъ этой ловушки до зари не выбьешься. А, вотъ они! отдыхаютъ, сердечные! а надо бы батюшку–Князя найти... охъ хаживалъ я много; и подъ Кіевомъ былъ, и въ Литвѣ, съ Рогволодовичами, и подъ тѣмъ, какъ его–о–охъ! *(Зѣваетъ и засыпаетъ.)*

ОКОЛЬНИЧІЙ и **КОНЮШІЙ** ***идутъ скорыми шагами другъ другу встрѣчу.***

ОКОЛЬНИЧІЙ.

А, ужъ ты опять здѣсь? куда жъ ты?

КОНЮШІЙ.

Куда? а Богу вѣдомо куда; одному Ему только все вѣдомо! ищу Князя, бояринъ!

ОКОЛЬНИЧІЙ.

Да зачѣмъ же мы опять забрели сюда? гляди, опять то же мѣсто! Иди, старый хрычъ, туда, а я сюда пойду, да отзывайся на голосъ!

(Расходятся, потягиваются и садятся на земь.) **Ау! конюшій! гдѣ ты?**

КОНЮШІЙ.

А здѣсь я, здѣсь! о, Господи Боже мой!

ОКОЛЬНИЧІЙ.

Да сюда пойди, сюда, ко мнѣ... тутъ что–то не ладно... ***(Зѣваетъ.)***

КОНЮШІЙ ***сонным голосомъ.***

А вотъ я сейчасъ... о–охъ... не ладно и есть, бояринъ... ***(Ползетъ на корачкахъ и засыпаетъ на пути; Окольничій также спитъ.)***

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ

входитъ одинъ.

Нѣту силъ моихъ —
Вскружилась головушка —
Меркнетъ свѣтъ въ очахъ —
Ой, воды испить!...
Старый Князь сирота,
Сирота круглый онъ,
Что безъ дочери
Да Княжны Зорюшки...

Гдѣ Тумакъ? избить каменьями эту змѣю подколодную, этого буйволинаго выродка, прокаженнаго гнѣдаго тура! Избить гадину эту каменьями: привести бабъ, дѣтей, дѣвокъ, пусть бьютъ покуда еще одна жилка въ немъ бьется живчикомъ! Эй, бояре! народъ!... Гдѣ бояре мои, гдѣ народъ мой?...

Нѣтъ бояръ моихъ;
Старый Князь сирота,
Сирота круглый онъ
Безъ Княжны Зорюшки!
Ты заря моя

При закатѣ дней,
Ты вечерняя!
Ты заря моя,
Новый свѣтъ ты мой,
Заря утрення...
Дайте жъ испить —
Меркнутъ очи...

Опускается на земь и засыпаетъ. Музыка играетъ сперва pizzicato, потомъ подъ сурдиной русскую пѣсню,* РУСАЛКИ *развиваются быстрымъ хороводомъ и разсыпаются.

1–я РУСАЛКА.

Спятъ, спятъ всѣ! сестрицы–голубушки, пойдемте, поглядимъ на нихъ: не бойтесь, чего вы боитесь? вотъ, вѣдь я ужъ здѣсь!

2–я РУСАЛКА.

А дядя свѣтъ–сосѣдъ застанетъ? мы на его межѣ!

3–я РУСАЛКА.

Ему не до насъ; онъ теперя сѣни да крыльца подметаетъ, да горшки

выпариваетъ, да конямъ гривы расчесываетъ!

4–я РУСАЛКА.

А кто жъ у насъ сторожевая! Водосвѣта, некакъ твой чередъ, поди на сторожку, да гляди, журавликомъ стой!

1–я РУСАЛКА.

Да смотри, Водосвѣтушка, не прогляди: не то, право, мы тебя своимъ судомъ на солнышкѣ провялимъ!

6–я РУСАЛКА.

И пить не дадимъ ни росинки!

1–я РУСАЛКА.

И гребень твой камышевый изломаемъ!

2–я РУСАЛКА.

И будешь ходить нечесанная морскимъ котикамъ на смѣхъ!

ВОДОСВѢТА.

Подите, постылыя, набалуйтесь вдоволь! вамъ вотъ только бы поюлить — прямыя брызгуши!

(Становится поодаль на часы.)

1–я РУСАЛКА.

Сестрицы, глядите: это не здѣшній; усатый, словно ракъ рѣчной и носъ нелюдской, что твой руль!

3–я РУСАЛКА.

Это женихъ Княжны, коли отдадутъ за него: какой–то промежъ Турка и Грека!

5–я РУСАЛКА.

А похожъ на жида, либо на цыгана — какой нехорошій!

4, 6 и 7–я РУСАЛКА.

Гдѣ, гдѣ, покажите!

5–я РУСАЛКА.

Да вотъ этотъ!

2–я РУСАЛКА.

А это кто? глядите–тка, сестрицы! и это не тутошній: бѣлъ, сердечный, что плотвичка, да и волосъ, что посконь бѣленая, той же масти!

3–я РУСАЛКА.

И это женихъ Княжны; этотъ оттолѣ, гдѣ треска–рыба ловится.

4–я РУСАЛКА.

То–то онъ сердечный такой поджарый! и красноперый, вѣдь сущій окунекъ, не то подлещикъ!

5–я РУСАЛКА.

Какой подлещикъ, цѣлый сазанъ!

6–я РУСАЛКА.

А это жъ кто, рядомъ? очи закрыты, а такъ и знать что карія: хорошій какой!

3–я РУСАЛКА.

И это женихъ: ви'шь они рядкомъ такъ и улеглись!

2–я РУСАЛКА.

А нешто все такъ у нихъ женихи съ женихами отдыхаютъ?

1–я РУСАЛКА.

Шутиха ты! да вѣдь эти горемычные не по своей волѣ улеглись; обошелъ дядя лѣсной, а свѣтъ–сосѣдъ домовикъ укачалъ, ну вотъ и уснули!

4–я РУСАЛКА.

Эка жениховъ–то жениховъ, голубушки мои! чтобъ и этихъ къ намъ — замиловалибъ ихъ!

5–я РУСАЛКА.

И этого, сухопараго, Турчанина нехорошаго?

1–я РУСАЛКА.

Вотъ еще, нашла нехорошаго! нешто въ немъ кровь не теплая? Ну поди, поцалуй сома, тотъ лучше!

3–я РУСАЛКА.

А что жъ, и сомъ щекотки боится, и съ нимъ ину пору побаловать можно!

2–я РУСАЛКА.

Да потѣхи въ немъ мало, не захохочетъ.

6–я РУСАЛКА.

Смотрите, умницы, а это кто?

3–я РУСАЛКА.

Тише! это Князь ихъ; онъ всѣмъ имъ набольшій, что у насъ водяной.

РУСАЛКИ ***толпятся около Князя.***

Дайте жъ посмотрѣть голубушки — о, да ужъ старикъ — да, старикъ!

1–я РУСАЛКА.

Ахъ, сестрицы мои размилыя! чтобы имъ уснуть въ нашихъ лугахъ — то–тобъ потѣхи!

4–я РУСАЛКА.

Да, ужъ тамъ бы своя рука владыка, свѣтъ–сосѣдъ домовикъ не сталъ бы вередовать!

2–я РУСАЛКА.

А нынѣ еще и нашего дома нѣтъ: то–тобъ раздолье!

5–я РУСАЛКА.

Будетъ съ насъ, сестрицы, и одного; и эта рыбка хороша; вѣдь кровь съ молокомъ Князекъ нашъ!

6–я РУСАЛКА.

И что за медвяныя уста!

3–я РУСАЛКА.

Да вѣдь какъ любо заливается хохочетъ!

2–я РУСАЛКА.

А остался ли кто съ нимъ, умницы?

1–я РУСАЛКА.

Остались, какъ же; мы сдали его съ рукъ на руки Волнушкѣ да Зыбушѣ, онѣ не отойдутъ отъ него!

3–я РУСАЛКА.

А вѣдь и онъ женихъ Княжны, красавицы мои!

4–я РУСАЛКА.

Ну что жъ, мало ей троихъ что ли?

6–я РУСАЛКА.

Чего троихъ — ей теперь и одного, чай, не нужно; дядя полѣсовщикъ унесъ въ трущобу свою — а ужъ тотъ, коли кого на свой пай залучитъ, такъ и поминай какъ звали!

ВОДОСВѢТА.

Что жъ вы, постылыя, долго тутъ еще прохлажаться станете? Вѣдь мнѣ

надокучило; я глядите, обману васъ, напугаю, закричу, что идутъ: да идутъ же и есть — бѣгите, бѣгите!

Всѣ свиваются быстрымъ хороводомъ, Иныя кричатъ: **Да обманула она, попловуша шаловливая, обманула!** ***(общій хохотъ; нападаютъ на Водосвѣту и стегаютъ ее распущенными до пятокъ косами, разсыпаются снова хороводомъ, занавѣсъ опускается.)***

Княжій теремъ.

Покой **ВЕСНА,** ***на столѣ гусли.***

ВЕСНА.

Что долго нѣтъ нашихъ? пошли погулять,

Да гдѣ–то и засѣли; а ужъ пора бы и спать!

Нѣтъ, врешь, Весна, схвасталъ, проговорился:

Ты во вѣки вѣковъ безъ ужина не ложился;

А нынѣ изъ–за горъ–горы понаѣхали женихи,
Такъ помянемъ съ ними за чарой старые грѣхи...
А есть таки? хе, хе, хе! О, Весна, Весна,
Куда наша молодость и потѣшна и красна,
Куда хороши наши русскія дѣвицы, —
Долгія косы, бѣлолицы, круглолицы —
Брови собольи,
Очи сокольи,
Грудь лебедина,
Походка павлина...
Да, погулкамъ твоимъ, Весна, было много простору —
Ну, да быль добру молодцу не укора!
О, Весна, Весна — придетъ и твоя зима,
Непрошеная, незваная, а придетъ сама...
И что за охота людямъ жениться?
Доброму молодцу женитьба не годится;
Пуще всего, посѣдѣешь до вѣку:
А ужъ какое житье сѣдому человѣку?
Я тѣмъ только и молодъ, что пляшу да скачу,
Свататься не стану, жениться не хочу;

Поди я да посватайся, скажутъ: старъ, прогулялъ;

А живешь себѣ козыремъ, такъ и молодъ и удалъ!

О, я ихъ знаю: наши красныя дѣвицы

Зелье–шутницы, зѣло баловницы...

Однако, долго нѣтъ Князя; видно лечь, да всхропнуть. —

(Ложится на кровать.)

Ночь будемъ бражничать, такъ надо и отдохнуть. ***(Зѣваетъ.)***

Карпатскій да Болгарскій — Армянскій да Мурманскій — Царевичи, да Королевичи, да о—ха! ***(Засыпаетъ, музыка играетъ pizzicato.)***

ДОМОВОЙ ***выходитъ изъ подъ кровати Весны; прысчетъ на него въ обѣ руки, подходитъ на цыпочкахъ къ гуслямъ, открываетъ ихъ, играетъ и поетъ, вполголоса.***

У кота, кота колыбель хороша(*)

А у мо'го Ларюшки лучше того;

---

*) Чтобы не присвоивать себѣ чужаго, надо сказать что эта колыбельная пѣсня, да еще свадебная, которую поетъ послѣ Русалка, пѣсни народныя и взяты какъ онѣ есть, цѣликомъ.

У кота, кота какъ перинушка мягка —
А у мо'го Ларюшки мягче того,
У кота, кота изголовье высоко,
А у мо'го Ларюшки выше того.
У кота, кота одѣяльце тепло,
А у мо'го Ларюшки теплѣ того.
Баю–баю, дитятко, спи почивай;
Спи, да усни, угомонъ возьми.
Выростешь великъ, будешь въ золотѣ ходить...

(ВЕСНА ***оборачивается во снѣ лицемъ къ зрителямъ и сладко улыбается.)***

Въ золотѣ ходить, чисто сиребро носить,
Мамушекъ, нянюшекъ обносками дарить:
Сѣннымъ дѣвушкамъ на шапочки,
Молодымъ молодушкамъ на сборнички...

О, Весна, Ларюшка! да какже ты сладко улыбаешься! покачать, что ль тебя еще? нельзя не покачать!

Ходитъ сонъ по сѣнюшкамъ, дрема по новымъ;

Ищетъ сонъ поищетъ, дрема спрашиваетъ:

Гдѣ тутъ колыбель мо'го Ларюшки?

Лари колыбель на высокомъ терему,

На высокомъ терему, въ шитомъ–браномъ пологу —

Бай, да люли мое дитятко, усни!

Спи, голубчикъ, тебя не льзя не покачать —

Не льзя и не подушить, не поломать;

Завтра посмѣются — подѣломъ, скажутъ, Весна —

Потому, знаете, что на людяхъ и смерть красна;

А не бось, какъ подушу я изъ нихъ хоть любаго,

Такъ по себѣ не смѣшками поминаютъ домоваго!

Да, надо всѣхъ васъ во наукѣ держать,

Чтобъ отъ рукъ не отбивались, да помнили какъ васъ звать!

Сперва повозиться, что бы знали, кто былъ,

Да кто брюхана этого на проказы подбилъ:

(Стаскиваетъ столы и скамьи и взгромазживаетъ ихъ въ одну кучу.)

Вотъ такъ; потрудись–тка заутре самъ растаскать,

Такъ хоть будетъ забота: не все спать, да жрать!

А кромѣ сна да ѣды, да золотой княжей чарки,

На умѣ у тебя только приспѣшницы, да кухарки!

Да, — карими очами, да русой косой

Заманить тебя можно къ сатанѣ на постой!

Гдѣ только услышитъ, что шумитъ сарафанъ,

То и защемило ретивое, словно попалось въ капканъ!

Это намъ на–руку: ты козырь по нашей масти;

Самому мнѣ руки поднять на русалку нѣтъ власти,

А твоими руками мы и жару нагребемъ,

Да ты же и въ дуракахъ будешь, и ништo, по дѣломъ!

Полно балагурить! спѣшить къ дѣлу да къ мѣсту:

Вставай–тка, голубчикъ, я вотъ нашелъ тебѣ невѣсту!

(Становится въ одинъ прыжокъ колѣнями на грудь Весны, беретъ его за плеча и трясетъ; потомъ соскакиваетъ и пропадаетъ.)

ВЕСНА ***простонавши, садится на кровать.***

О–хъ, насилу отдохнулъ! задушилъ было меня... да къ добру, а–ль къ худу? ***(Домовой хохочетъ потихоньку.)*** **Ну, слава Богу, хоть къ добру! О–хъ! и что онъ привязался ко мнѣ, словно желна къ меду; вотъ вѣдь уже третій разъ это, на одной недѣлѣ! станетъ тебѣ костяными колѣнями своими подъ самое сердце, да претъ, претъ — насилу душу отпуститъ на покаяніе! О–хъ! А Князь смѣется, говоритъ: это за грѣхи твои! какіе тутъ грѣхи, и что я за мученикъ ему дался?**

Нѣмчинъ, что отъ Великаго Князя ѣхалъ, и зналъ лекарственную и всякую иную науку, сказывалъ, что это–де кровь отяжелѣла и приступаетъ; а Князю и на руку; говоритъ: вотъ Зима — а онъ меня все зоветъ зимою — вотъ–де Зима больше постничай, да меньше бражничай, а то вонъ въ тебѣ и кровь, словно свинецъ какой, по жиламъ ходитъ!... Да нѣмчинъ–этъ, какъ погляжу я на него, вретъ не хуже другаго; дай–ка я на него полѣзу, на соннаго, наступлю ему на грудь колѣнами, что–то онъ скажетъ про кровь свою?

ДОМОВОЙ ***одѣтый конюхомъ, входитъ.***

Бояринъ! а бояринъ!

ВЕСНА.

Ась? кто тамъ?

ДОМОВОЙ.

Бояринъ! шлетъ къ твоей милости конюшій княжій, Гордей Чихало, что собрались–де за селомъ красныя дѣвушки;

тамъ у нихъ хороводы да пѣсни, да пляски…

ВЕСНА ***вскакиваетъ.***

Дѣвушки? ахъ онѣ голубушки! собрались, говоришь, да хороводятъ? гдѣ же это, братецъ, укажи пожалуста!

ДОМОВОЙ.

На выгонѣ, супротивъ Бѣлаго камня; даже со всего села высыпали — и все однѣ, да сами по себѣ, и никого съ ними нѣтути!

ВЕСНА.

Ахъ ты соловей мой, соловей! да ты, братецъ, какъ погляжу я на тебя, дѣтина золотой; право! да ты же, скажи, кто таковъ? ась?

ДОМОВОЙ.

Онисимъ Икота; просимъ, бояринъ, не оставлять и впередъ милостями своими — я только нынѣ вотъ, по милости твоей, взятъ во дворъ княжій въ конюхи.

ВЕСНА.

По милости моей? Да я тебя друга и въ глаза не знаю!

ДОМОВОЙ.

Такъ, бояринъ, сказано мнѣ было, что-де по милости княжаго внучатнаго брата, боярина Ларіона Пахомовича, взятъ я на службу въ дворяне княжьи; мое дѣло

сказать твоей милости спасибо, да служить тебѣ вѣрой и правдой.

ВЕСНА.

А, да, — помню, братецъ, знаю!.. *(Про себя)* а ничего не знаю, хоть обухомъ въ лобъ; и въ глаза его не видывалъ, и никого не пристроивалъ на службу княжью, да и не тотъ Князь человѣкъ, что бы меня въ чемъ послушалъ! *(Вслухъ)*. Ну, да нужды нѣтъ, не о томъ рѣчь, это я такъ, братецъ, про себя — такъ ты говоришь, собрались дѣвушки? ась?

ДОМОВОЙ.

Собрались, бояринъ, да хороводятъ за селомъ — да все хорошія какія, да баловницы какія — и Груня тамъ, говоритъ Гордей, и Машутка...

ВЕСНА.

Которая Груня? чья?

ДОМОВОЙ.

Да не чья какъ не Разумихина...

ВЕСНА.

Такъ идемъ же, разугодный ты мой! ты со мной, что ли?

ДОМОВОЙ.

Съ тобой, бояринъ; конюшій и коня далъ, аргамака сѣраго — садись, да бери меня на забедры, живо прискачемъ; вотъ я и рожокъ свой съ собою взялъ, послушай, какъ сладко заливаюсь — заманю красныхъ дѣвушекъ куда угодно!

ВЕСНА.

Ай да Икота! ай да распотѣшный! не даромъ же говорилъ я Князю, что эдакого-де молодца, Князь, свѣтъ пройдешь не найдешь; право слово говорилъ!

ДОМОВОЙ.

Спасибо, бояринъ!

ВЕСНА.

Ей, ей, говорилъ; это-де, Князь, дѣтина удалой, на все и про все; съ нимъ и въ водѣ

не душно и въ огнѣ не скучно; возьми его, Князь, да не вѣрь, коли обносить его станутъ, Икоту, это золото...

ДОМОВОЙ.

Спасибо твоей милости. — Да гдѣ же ты, бояринъ, коли спросить посмѣю, такъ меня узналъ?

ВЕСНА.

Кто? я? гдѣ узналъ? э, братецъ, кого жъ я не знаю, спроси–тка ты у меня, кого я не знаю? да я всѣхъ знаю; да тебя не льзя и не знать; вотъ и теперь смотрю, что глянешь, то и видно, что знакомый человѣкъ; ну, ѣдемъ же!

ДОМОВОЙ.

Слушай, бояринъ, я добуду тебѣ любую изъ всего хоровода, только ты не перечь мнѣ, а слушайся!

ВЕСНА, *надѣвъ шапку и рукавицы.*

Говори, говори, запѣвало ты мой, сказывай!

ДОМОВОЙ.

Мы подъѣдемъ верхомъ къ мѣсту, спѣшимся, да подкрадемся къ хороводу: коли не равно дѣвушки разбѣгутся, такъ припадемъ за кустикомъ, притаимся, а я заиграю въ рожокъ —

ВЕСНА.

Ой–люли! заливайся, заунывная!

ДОМОВОЙ.

А послышавъ рожокъ, красавицы наши, не бось, позаслушаются — ты спроси, бояринъ, какъ Анисимъ Икота на рожкѣ играетъ; это, чай, вѣдомо по всему Княжеству — ну, а ты лежи, знай, да высматривай: когда я толкну тебя локтемъ въ бокъ, то вскочивши бѣги во всѣ лопатки, да ухвативши любую, которую нагонишь, урывай, да тащи безъ оглядки назадъ: сядемъ, поскачемъ, привеземъ домой...

ВЕСНА.

Ахъ ты медоваръ сахарный мой! да ѣдемъ же, сдѣлай милость ѣдемъ, Икотушко ты мой!

(Уходятъ.)

Мѣсто у Бѣлаго Камня.

Всѣ спятъ, по прежнему; **РУСАЛКИ** *шалятъ и рѣзвятся; иныя носятъ цвѣты, другія вьютъ вѣнки, третьи надѣваютъ ихъ на голову спящихъ.*

1–я РУСАЛКА.

Давайте, голубушки, давайте больше цвѣтиковъ; пусть проснутся спячки наши разукрашенные, разубранные!

2–я РУСАЛКА.

А ну, спойте пѣсенку, умницы–сестрицы, спойте!

3–я РУСАЛКА.

Давайте, красавицы, давайте! Поныря, запѣвай, серебрянъ–колокольчикъ мой, запѣвай; ты подслушала намедни у пастушка славную пѣсенку: Не одна–то во полѣ дороженька!

(Русалки поютъ вполголоса и ходятъ туда и сюда, оплетая спящихъ вѣнками; издали раздается рожокъ, вторя той же пѣснѣ. Русалки, испугавшись,

замолкаютъ, перебѣгаютъ всѣ за бѣлый камень, къ озеру, и прислушиваются).

4–я РУСАЛКА.

Чу, голубушки, это пастухъ!

3–я РУСАЛКА.

Онъ и есть — о, да какъ сладко заливается! не бойтесь, сестрицы–подруженьки, вѣдь онъ не тронетъ насъ, не впервые!

5–я РУСАЛКА.

А не видать никого.

6–я РУСАЛКА.

Подойдемте, голубушки, испугаемъ его!

О Б О Р О Т Е Н Ь ***свищетъ и летитъ порошей.***

2–я РУСАЛКА.

Не пастухъ это, красныя; зачѣмъ пастуху теперя въ ночи тута быть? глядите, вотъ вѣдь и перекидышь стращаетъ: что нибудь да не ладно!

5–я РУСАЛКА.

Не быть бы худу, умницы, я боюсь, не пойду; вѣдь и тутъ слышно! Вы знаете, бѣсенокъ этотъ даромъ не выкинется!

1–я РУСАЛКА.

Чего бояться? пастушокъ меня не тронетъ; вѣдь ты знаешь его, Поныря, онъ круглый сирота, и дружно съ нами живетъ; намедни онъ заснулъ, такъ я гребнемъ своимъ и голову ему расчесала; сердечный, и присмотрѣть–то за нимъ некому!

3–я РУСАЛКА.

Да и гдѣ ему, красавицы, насъ затрогивать, и всего–то тринадцатый годокъ; что жъ онъ разумѣетъ?

1–я РУСАЛКА.

Подойдемте!

(Общій хороводъ русалокъ, подъ рожокъ, который переходитъ въ плясовую*: «Ой, не будите меня молоду.» — ВЕСНА *кидается, ухватываетъ одну Русалку и уноситъ ее; остальныя съ крикомъ разбѣгаются; вопли похищенной, плачъ подругъ ея, рѣзкій хохотъ Домоваго; Оборотень кричитъ пѣтухомъ и пробѣгаетъ кошкой; Лѣшій ржетъ жеребцомъ, Водяной кричитъ водянымъ быкомъ, выпью.)

ВОДЯНОЙ ***выбѣгаетъ бѣгомъ.***

Разбойникъ!
Держите его! держите! Разбойникъ!

ДОМОВОЙ ***(съ угрозою на встрѣчу ему.)***

Куда, куда?

(Буря начинаетъ разыгрываться; отдаленная гроза.)

ВОДЯНОЙ

(отскакиваетъ въ отчаяніи назадъ за свою межу.)

Разбойники! измочалю васъ всѣхъ въ тряпицу! Кто унесъ ее? отдай мнѣ мою водяницу!

ДОМОВОЙ.

Отдай домочадцевъ моихъ, Князя да Княжну.

ВОДЯНОЙ.

Подпольная мышь! въ три дуги тебя согну! Какого тебѣ Князя? какую Княжну?

ДОМОВОЙ.

Стой, сватъ–воевода; кричи да не стучи,
А за межу ни ногой, не то будетъ на калачи:
Сворочу я тебѣ и морду и рыло,
Да послѣ скажу, что такъ–де и было!

ВОДЯНОЙ.

Да помилуй же, сватушко, помилуй, кумъ,
Что ты это дѣлаешь? свой ли въ тебѣ умъ?

ДОМОВОЙ.

Да ничей какъ не свой; а ты думалъ новокупка?

ВОДЯНОЙ.

Свѣтъ–сосѣдъ, да зачѣмъ тебѣ моя голубка?

Заснетъ она что рыбка; отдай мнѣ водяницу!

ДОМОВОЙ.

Отдай напередъ намъ Князя да Княжицу.

ВОДЯНОЙ.

Я твоихъ, домовикъ–сусѣдко, не за'малъ;

Обсохни я на мѣстѣ — не за'малъ и не видалъ.

ДОМОВОЙ.

Выдай, не то, заморю твою водяницу!

Вызывай–тка утопленниковъ, да гляди, всю вереницу:

Я тебѣ Князя укажу и признаю!

ВОДЯНОЙ.

Я, свѣтъ–сосѣдъ, ничего не вѣдаю, не знаю;

Я нырялъ на поморьѣ, по водянаго коня —

Такъ развѣ не спроказили ль тутъ что безъ меня...

(Оборачиваясь къ озеру, поднявъ руки.)

Крутъ–крутояръ, пологъ бережокъ — водоямицы, омуты глубокіе, морцо мокрое, голубая празелень: слушать не дремать, тутъ большакъ говоритъ: скиньте погадку, да на свѣтъ отдайте молчановъ своихъ! а ты, мокрый людъ, проснись, пробудись, пронесись вереницею; а и будетъ ли живъ человѣкъ, не живъ человѣкъ — вставай всѣ до единаго, большакъ зоветъ — слово мое крѣпко.

(Утопленики и утопленицы кружатся надъ озеромъ вереницею; между ними Князь Карпатскій).

ДОМОВОЙ.

Ну, да вотъ онъ, Князь нашь, золотой шеломъ,
Да въ прилбицѣ стрѣлка, да повитъ багрецомъ;
Отдай ты намъ этого, да отдай Княжицу,
Такъ въ тѣ поры отпущу я и твою водяницу!

ВОДЯНОЙ.

Да гдѣ жъ я возьму ее, свѣтъ–сосѣдъ?
Не родить же ее, коли не было и нѣтъ;
Ну этого возьми: коли твой, такъ твой —
Да мою–то отдай; что ты дѣла'шь со мной?

ДОМОВОЙ.

Нѣтъ, свѣтъ–сосѣдъ, погоди да постой:
Притяни сюда Лѣшаго, хоть за хвостъ, хоть за гриву,
Да пусть онъ мнѣ выдастъ и свою поживу;
Тогда размѣняешься, а нѣтъ, такъ прощай!

ВОДЯНОЙ.

Да ты толкомъ говори, куманекъ, а не стращай;

Погоди, вотъ я вызову, онъ отдастъ сейчасъ;

Погоди, сдѣлай милость, вотъ справимся какъ разъ!

(Кричитъ громко выпью и аукаетъ; Лѣшій отзывается и выходитъ, сначала вровень съ лѣсомъ, потомъ малѣетъ. Гроза и буря усиливаются; градъ; по землѣ вспыхиваютъ тутъ и тамъ огоньки, упыри и оборотни кричатъ всѣми голосами, летаютъ и перебѣгаютъ; гады ползаютъ по землѣ и по деревьямъ).

ЛѢШІЙ.

Что, кумовья, аль мірская сходка?

ВОДЯНОЙ.

Братишко! какая тама далась тебѣ находка?

ЛѢШІЙ.

А ты ужъ пронюхалъ? молчи добро;

Да наша, коли положили свое тавро!

ВОДЯНОЙ.

Послушай, сватушко, выдай ее, да покинь!

ЛѢШІЙ.

Это что ты придумалъ? да пропади ты и сгинь!

ВОДЯНОЙ.

Сватушко, да свѣтъ–сосѣдъ полонилъ мою водяницу

И правитъ съ меня выкупу твой плѣнъ, Княжицу!

ЛѢШІЙ.

Да никакъ ты меня вызвалъ на потѣху, въ посмѣхъ?

А мнѣ то что? Да хоть выуди онъ всѣхъ,

Сколько есть у тебя тамъ ныркoвъ да лягушекъ;

Мнѣ–то что, скажи, до твоихъ мокрушекъ?

ВОДЯНОЙ.

Да ты что жъ кричишь, словно прибѣжалъ съ пожару?

Отдай, говорю, мохначъ, не то поддамъ пару:

Вѣдь подымусь я смерчемъ, такъ не усидишь на мѣстѣ;

Залью, да утоплю, коли не знаешь чести!

ЛѢШІЙ.

Не ершись, не пѣтушься, безперый бакланъ,

Пѣшій крахаль, отвяжись, да отстань;

Пожалуешь, такъ припасемъ на тебя гостинца:

(Грозитъ дубиной).

А тебѣ не видать отъ Княжны и мизинца!

(Громъ и молнія; оборотни кричатъ и мечутся; Лѣшій выростаетъ въ дерево и уходитъ).

ДОМОВОЙ ***(который сидѣлъ во все время за своей межой и игралъ въ камешки, подкидывая и подхватывая ихъ).***

Верши, братъ, дѣло, коли не боишься свалки:

А нѣтъ Княжны, такъ нѣтъ и Русалки.

(пропадаетъ).

ВОДЯНОЙ.

Пропасть бы вамъ обоимъ, да провалиться, да сгинуть —

Камень бы вамъ на шею, да въ омутъ закинуть!

А тебя, космача, я дойду и доѣду:

Ты, вольница, рано затрубилъ побѣду!

Ко мнѣ, Поныря, Волнушка, Зыбуша,

За мной, Водосвѣта, за мной Полоскуша!

(Кричитъ громко выпью; Русалки разсыпаются по озеру хороводомъ и несутся къ нему; занавѣсъ падаетъ).

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Покой Весны.

На полу высокій желѣзный свѣтецъ со свѣчей.

ВЕСНА ***вноситъ на рукахъ Русалку.***

Полно жъ, полно красотка моя, бархатка, ноготокъ ты мой — полно плакать! ***(Сажаетъ ее на кровать).***

РУСАЛКА ***вскакиваетъ и отбѣгаетъ впередъ.***

Душно мнѣ! большакъ, выручи меня! недобрый, отпусти меня!

ВЕСНА.

Да полно жъ, моя алая маковка; ну полюби жъ ты меня!

РУСАЛКА.

Постылый! отпусти меня — сгину я здѣсь скоро, усну, какъ волосъ на мнѣ

обсохнетъ — душно мнѣ — о, на что тебѣ трупъ мой?

ВЕСНА.

Да не сгинешь, кроликъ ты мой бѣлолапчатый! и что за страсти? Кто напугалъ тебя, моя касаточка? Вѣдь я Весна, княжій внучатный братъ — ну поди жъ ко мнѣ!

РУСАЛКА ***отпрянувъ отъ него.***

Жгутъ пальцы твои, словно зелье крапивное! Ради зари утренней, которую увидѣть чаешь, ради капли дождя и росинки благодатной — не сгуби ты меня, не бери грѣха на душу, отпусти меня!

ВЕСНА.

Да полно жъ сокрушаться, тушканчикъ ты мой, перепелочка, рябчикъ ты мой съ хохолочкомъ — а я — я на чужихъ хлѣбахъ живу, горностайчикъ мой, такъ по мнѣ, пожалуй, хоть трава не рости, ни росинки, ни дождинки не надобно; а зарю утренню увидимъ, бѣлая сливка моя, наливная ягодка, и не растанемся съ тобой!

(Подходитъ къ ней.)

РУСАЛКА.

Прочь, постылый! не то убьюсь: ударюсь съ разлету о стѣну твою теремную!

ВЕСНА.

Стой, стой, стой! что ты это? помутилась?

РУСАЛКА.

Убьюсь; и неси меня тогда куда знаешь, чтобы люди не застали въ покоѣ твоемъ дѣвку убитую — не то, Князь велитъ тебя казнить!

ВЕСНА.

Творецъ мой, что за робкое созданіе краса–дѣвица, когда еще ничего не знаетъ, не разумѣетъ...

РУСАЛКА.

Слушай, недобрый, я убьюсь: а ты снеси меня въ озеро, да утопи; не то вѣдь доберутся до тебя!

ВЕСНА.

Василекъ ты мой голубоокій, пѣночка ты моя, малиновка, ну — синичка чернобровая, да не ужто жъ ты не такая, какъ и мы грѣшные, не ужто у тебя сердце къ сердцу не лежитъ? полюби жъ ты меня, бѣлошейка моя!

РУСАЛКА.

Не полюблю: ты опостылъ мнѣ, ты мой палачъ: отпусти меня *(становится на*

колѣни,) **убей меня, отнеси меня въ озеро родное — приходи туда, тамъ полюблю!**

ВЕСНА.

Поймала ты воробья на мякинѣ! слышали? отпусти я ее отсюда, да приходи къ ней, на озеро! да встань же, встань пискленокъ мой, горленка моя, встань! И кто жъ ты такая, ненаглядная моя, неразгаданная! какъ зовутъ тебя, откуда ты? скажись мнѣ; тебя по имени буду жаловать, а по отчеству стану чествовать.

РУСАЛКА.

Что тебѣ въ моемъ прозванiи,
Что до роду, что до племени?
Не откликнусь я тебѣ на позывъ твой,
А скажуся я, не познаешь меня!
Не жилица я избы, ни терема,
Душно мнѣ въ избѣ подкровельной:
Не питомица я персей матернихъ,
Нѣтъ и не было отца, ни матери!

ВЕСНА.

Полно жъ, умница, полно; либо ты меня стращаешь,
Либо съ перепугу мелешь, чего и сама не знаешь?

РУСАЛКА.

Коли хочешь слушать — я скажуся тебѣ;
Коли будетъ милость — ты отпустишь меня.
О, не дай обсохнуть ты косѣ моей,
А не то засну, засну какъ рыбка я!
Я русалка: а подруженьки
Порѣзвушей–бѣлой меня прозвали;
Обознался ты во мнѣ, не дѣвка я:
Я Русалка, я жилица водная!

ВЕСНА ***съ испугомъ ищетъ дверей и пытается ихъ отворить; но двери приперты снаружи.***

РУСАЛКА.

Что жъ ты, что же ты, постылый мой,
Разлюбилъ ты видно Порѣзвушу–бѣлую?
Чаялъ дѣвку ты сманить, людскую дочь,
Не съ русалочкой слюбиться чаялъ ты?

ВЕСНА.

Послушай же, красавица: шайтанъ васъ разберетъ, что вы со мною проказите, одинъ вклепался въ меня, слугой прикинулся, да подбилъ умкнуть изъ хоровода дѣвку — ну, это бы еще ничего; другая перекоряется со мной почитай до бѣла свѣта, и, какъ некуда дѣваться, сказуется русалкой, какою–то бѣлою–Порѣзвушей; а третій, тѣмъ часомъ, приперъ двери, чтобы, знать, потѣшиться, да позабавиться? — Что жъ вы думаете, что княжій родичъ, да, родичъ, внучатный братъ — что Ларіонъ Пахомовичъ вамъ дуракъ дался? Весна, котораго самъ Князь честитъ Зимою, котораго... который... да словомъ, что тутъ изъ порожняго въ пустое переливать; я тебя не боюсь, голубушка; будь ты русалка, будь оборотень, будь и самъ водяной, а ты мнѣ за всѣ проказы эти поплатишься, хоть ты у меня въ рукахъ самимъ сатаной перекидывайся — я зажмурюсь, голубушка, я и глядѣть не стану, я ничего не вижу... *(Ловитъ русалку, она вскрикиваетъ и брызжетъ на*

него концемъ распущенной косы). **Полно жъ дурить; что брызгаешь? испугаешь, что ли?**

РУСАЛКА.

Послушай, недобрый, дай мнѣ только вымолвить послѣднее слово тебѣ, послушай меня: я твоя, самъ видишь, уйти мнѣ отъ тебя некуда; коли я и убьюсь головою въ стѣну, все таки я въ твоихъ рукахъ, дѣваться мнѣ некуда. Пусть же я буду и твоею; можетъ статься не покинешь меня и послѣ, коли полюбишь; можетъ статься свыкнусь и я съ тобою, стану тебя любить. Не откажи жъ ты мнѣ на послѣдяхъ одной милости, отдай ты мнѣ мой камышевый гребень, который отнялъ у меня; дай, я хоть сама себѣ косу расчешу и сама по ней поплачу — нѣтъ здѣсь подруженекъ моихъ, некому справить мнѣ и дѣвишника — отдай, говорю, камышевый гребень мнѣ, дай мнѣ хоть съ полчетверти годинки времени, и я совсѣмъ!

ВЕСНА.

И не станешь биться въ стѣну лбомъ?

РУСАЛКА.

Не стану!

ВЕСНА.

Побожись!

РУСАЛКА.

Пусть обсохну, какъ на мѣстѣ стою,
Пусть до вѣку не окунуся въ водѣ,
Пусть росиночка не освѣжитъ меня,
Зной полуденный, да испечетъ меня!

ВЕСНА.

Побожись лучше!

РУСАЛКА.

Лучше не умѣю, Весна: это у насъ божба великая. Да чего жъ ты боишься? Куда жъ я отъ тебя уйду? Дай мнѣ, какъ годится, себѣ послѣдній почетъ отдать, а тамъ вѣдь я въ твоихъ рукахъ!

ВЕСНА.

На, быть такъ: да скорѣе!

РУСАЛКА ***садится, чешетъ косу и поетъ.***

Не соловейко щебеталъ ранымъ рано по зарѣ
Свѣтъ–дѣвица плакала по русой косѣ:
А и свѣтъ–дѣвица Порѣзвуша–бѣлая;
Что вечоръ косаньку подруженьки плели,
Они золотомъ перевили мою,
Они жемчугомъ унизали ее:
Какъ познаетъ меня мой суженый,
Ларіонъ–бояринъ свѣтъ–Пахомовичъ —
Онъ прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву;
Учала она мою косаньку рвать–порывать,
Учала ее чесать да трепать —
Мое золото съ косаньки обирала,
Мой скатной жемчугъ съ черныя разсыпала!..

(Вода бѣжитъ во все время струей съ распущенныхъ волосъ русалки, она поетъ все громче и громче, вода бѣжитъ гуще и гуще и наконецъ заливаетъ весь покой;

Весна въ страхѣ спасается на горку, что построилъ домовой.)

ВЕСНА

Сгинь ты, пропади ты, сдѣлай милость!

Уважь ты мою старость, мою хворость, мою хилость:

Отпусти хоть мою душу — и съ чего все это сталось —

О, проклятый Икота! не даромъ же мнѣ икалось!

РУСАЛКА ***купается и полощется въ водѣ.***

Турухтанъ ты мой
Турухтанъ сизой,
Турухтанчикъ мой
Сизогривчатый!
А и что Турухтанъ
Не токуетъ мой,
Не токуетъ онъ
Не красуется?
Что надулся ты
Турухтанъ сизой,
Что на кочку сѣлъ,
Подгорюнился?

Ой не вить было
Турухтанчику
Гнѣзда–гнѣздышка
На поемномъ лугу —
Залила вода
Да снесла волна,
Турухтанъ сизой,
Твое гнѣздышко;
То–то свить было,
Турухтанъ ты мой,
Тебѣ гнѣздышко
По скворчиному —
Во темнымъ лѣсу,
На высокомъ дубу...

Сестрицы–подруженьки — а–у! а–у!

(Издали аукаютъ, отзываются; Весна вздрагиваетъ, Русалка также, и прислушивается; сильный стукъ у дверей, вода пропадаетъ, Домовой входитъ, все еще конюхомъ).

ДОМОВОЙ.

Что ты это затѣяла, грязнушка! полно, голосистый чирокъ, ты не въ своемъ приходѣ учала шутки шутить, не на своемъ

подворьѣ распотѣшилась: здѣсь тебѣ власти не будетъ!

РУСАЛКА.

Дядя домовикъ! отпусти ты меня! вѣкъ не буду я твоихъ домочадцевъ затрогивать; и что тебѣ во мнѣ, хоть и заморишь бѣдняжку? что тебѣ въ томъ, отпусти меня!

ДОМОВОЙ.

Погоди, не торопись, дай срокъ!

ВЕСНА.

Икота! а Икота — это ты?

ДОМОВОЙ.

Я, бояринъ.

ВЕСНА.

Помилуй, Икота, что вы со мною дѣлаете? гляди–ко, свѣтопреставленье: гдѣ была суша, стало море; водяная мышь эта знай полощется, да попѣваетъ пѣсни свои, про сѣдаго Турухтана, а я сижу среди моря–окіяна, на островѣ на Буянѣ....

ДОМОВОЙ.

Какъ быть, бояринъ; ви'шь мы съ тобою обдернулись, обознались, не въ то гнѣздо руку засунули, не ту пташку вытащили! Слѣзай скорѣе съ подмостковъ своихъ, да бери въ охабку полюбушу свою; мы ви'шь съ тобою полюбили не впопадъ: не дѣвка она, бояринъ, русалка! Бери ее скорѣе да тащи назадъ, въ озеро, тамъ утопимъ ее, да и концы въ воду; не то не раздѣлаешься съ Водянымъ: поди какъ расходился, бѣда!

ВЕСНА.

Самъ возьми ее, Икота нечестивый, чтобъ тебѣ и на томъ свѣтѣ икалось; самъ тащи ее куда знаешь: ты подбилъ меня, ты и отвѣчай!

ДОМОВОЙ.

Тише бояринъ, не воюй: кто ни подбилъ, а ты ее унесъ; коли Домовой заступится за Водянаго, да задушитъ и меня вмѣстѣ съ тобою, такъ тебѣ, чай, отъ этого легче не будетъ! Бери, говорю, да играй въ молчанки, да неси за мной: эту отдадимъ, а свою найдемъ, бояринъ; мы ви'шь не на

тотъ хороводъ напали; а дѣвки и о–сю пору играютъ на выгонѣ; пойдемъ, что–ли?

ВЕСНА.

Что ты поешь? Охъ ты золотой сверчокъ! Ну, пойдемъ! Полоскуша ты, грязнушка эдакая, опять таки тебя, красоточка, привелось домой нести; нечего дѣлать: садись же на, въ кошель плетеный, понесу тебя словно заморскую курочку — а то боюсь еще на прощаньи ногтей твоихъ!

ДОМОВОЙ.

То–то бывалый человѣкъ! Садись, Порѣзвуша–бѣлая, не чванься!

(Она прыгаетъ въ корзину, Весна уноситъ ее; Домовой за нимъ.)

Лѣсъ.

ЛѢШІЙ и КНЯЖНА ЗОРЯ.

ЗОРЯ.

Ой чего жъ тебѣ
Ненавистный злой,
Скажи, что еще

Тебѣ хочется?
Дорогой родитель мой,
Князь Вышеславъ,
Что запросишь ты
Дастъ тебѣ выкупу!
Хочешь золота —
Проси золота;
Дорогихъ парчей —
Тебѣ вынесутъ;
Что камней ли тебѣ
Самоцвѣтныихъ,
Соболей, куницъ,
Будетъ сто сороковъ...

ЛѢШІЙ.

Что мнѣ въ твоемъ золотѣ, въ дорогихъ парчахъ?

Не возьму и даромъ; что мнѣ въ соболяхъ?

Много соболей у меня во темныхъ лѣсахъ,

Да не бывало куницы, какъ ты, у меня въ рукахъ!

Полюбилъ я ви'шь тебя; така притча сталась;

Слюбимся, Княжна, чего больно встосковалась?

ЗОРЯ.

Ой Удача–Князь,
Ты мой суженый.
Ты удатный мой,
Что покинулъ меня!

ТУМАКЪ ***вбѣгаетъ.***

А, ви'шь, вонъ вы куда отъ меня ушли.
Да тутъ бы васъ и черти насилу нашли!

ЛѢШІЙ.

Ты опять здѣсь? зачѣмъ тебя, шершня толстоголоваго, нелегкая сюда принесла? слышалъ — а–ль нѣтъ? я тебѣ шею сверну!

ЗОРЯ.

Ой Тумакъ, Тумакъ!
Что съ тобой, Тумакъ,
Прилучилося?
Малоумный ты!
Ты зачѣмъ меня
Продалъ ворогу?
Ты возьми меня,
Унеси меня
Въ теремъ батюшки...

ТУМАКЪ ***плачетъ горько, стоя на колѣняхъ.***

Княжна! полюби меня! межеумкомъ люди зовутъ, а ты невѣста моя, тебя и Князь, твой родитель злой, посулилъ мнѣ, и женихомъ звалъ, всегда, и годъ, и пять лѣтъ, и много лѣтъ — а нынѣ выкинуть велѣлъ, псамъ, говоритъ, на съѣденье. — Княжна, полюби меня!

КНЯЖНА ***закрываетъ лице руками и садится на земь.***

О, Боже мой, Боже!

ЛѢШІЙ ***схватываетъ Тумака за воротъ.***

Слышишь ты, шершень, трутень, карга глупая, земляной ракъ, тебѣ я говорю, не отстанешь ты отъ меня, не отойдешь?

ТУМАКЪ ***вырвавшись.***

Не отойду, хоть жилы изъ меня тяни: отдай невѣсту мою, Княжну! — Дядя, нешто и ты меня обманулъ? Князь велѣлъ выкинуть, невѣсты не даетъ — Тумакъ сказалъ дядѣ: «Дядя, обидь Князя, отыми

невѣсту, отдай Тумаку!» дядя молвилъ: — приведи, Тумакъ, не даромъ люди межеумкомъ зовутъ, приведи, да передай, будетъ твоя; — а? дядя, кто молвилъ это? Отдай же! меня бей, меня пинай, меня жги, а Княжны не тронь: я за нее въ драку съ тобой полѣзу, грызться стану, кусать зубами; дядя, отдай жениху невѣсту!

ЛѢШІЙ.

Я жъ тебѣ дамъ невѣсту, постой!

(Тащитъ Тумака по землѣ къ надколотому пню; засунувъ въ него богатырскою силою руку Тумака, выбиваетъ въ одинъ махъ клинъ — пень щелкнулъ и сомкнулся).

ТУМАКЪ ***вьется на корточкахъ вокругъ пня.***

Ай! сатана тебя, дядя, пазиломъ распази — ай! — собака, голодная собака объѣдайся... коли не подавится мясомъ твоимъ.... ай! — откушу руку! ***(Грызетъ кисть свою).***

ЛѢШІЙ.

Пой пѣсни, Тумакъ, Княжна слушать станетъ; распотѣшь невѣсту свою, спой плясовую! Что безъ пѣсни въ присядку пошолъ, жаба уродливая! а–ль я тебѣ спою?

Вдоль по улицѣ метелица мететъ —

По широкой добрый молодецъ идетъ!

Ой, жги, жги, жги говори!...

Ой ты выродокъ мяса человѣчьяго! и ты туда же, и ты въ женихи, да за невѣстой! Вотъ тебѣ невѣста, пень дуплястый; это тебѣ дѣвка сподручная, ровня, по всему! Сиди жъ, поколѣ не околѣешь!

ТУМАКЪ ***кричитъ изо всей силы.***

Дядя Водяной! а–у! а–у! дядя Водяной! выручи!

ВОДЯНОЙ ***(отзывается издалека вытью).***

Ухъ, ухъ, ухъ!

ЛѢШІЙ.

Раздерешь горло! Нѣтъ ножа, я–бъ тебѣ распоролъ ротъ по самыя уши: то–то бы, чай, аукнулъ!

ТУМАКЪ ***кричитъ; Водяной отзывается.***

ЛѢШІЙ.

Ты не плачь, не тужи, красавица, полюби меня:

Будешь кралей ты Волынскихъ, дремучихъ лѣсовъ,

Будешь павой ходить голубой–златоперою,

Райской птахою, дорогой, ненаглядною;

Куковать во сыромъ бору кукушечкой,

Припѣвать въ ночи молодымъ соловушкой —

Ты не плачь, не тужи, красавица, полюби меня!

ОБОРОТЕНЬ ***кричитъ пѣтухомъ и летитъ полетушей.***

ЛѢШІЙ.

Чего надо, волченокъ, зачѣмъ?

ОБОРОТЕНЬ ***(перекинувшись приземистымъ карлой, слѣзаетъ съ дерева.)***

Дядя! тутъ такое сталось, что не знаешь какъ и сказать!

ЛѢШІЙ.

Меня не введешь въ краску: сказывай, что слыхать?

ОБОРОТЕНЬ.

Не въ томъ видишь сила: тутъ соромнаго нѣтъ,
Да недоброе есть: видѣлъ много примѣтъ;
Подслушалъ у камня торги да переторжки,
Да плутни, да шашни, да разныя передержки;
Есть замыслы, дядя, злые, бѣда не за горой:
Никакъ совсѣмъ сбѣсился сосѣдъ нашь Водяной;
Дудитъ себѣ выпью, скликаетъ русалокъ —
И приплыли онѣ рѣкою, словно стая галокъ —
Свѣту не видать — чернявы попловуши
Все озеро укрыли, да плывутъ прямо къ суши:

Ну ровно бакланы, какъ пойдутъ рыбачить
Лавою да рядомъ; а Водяной маячитъ
Да правитъ поѣздомъ, ну сущій бѣсъ;
И бѣжитъ волна передъ ними, да прямо въ лѣсъ:
Опушку залило, братъ, давнымъ давно;
Такъ живи ты съ оглядкой — а по мнѣ все равно;
Мы и тутъ и тамъ, нынѣ рыбой, а заутре птицей —
А ты плаваешь по топорному, не захлебнуться бъ водицей!

ЛѢШІЙ.

Врешь ты, коротышь, скаредная рожа!
(Уходитъ за справкой; слышенъ хохотъ и пѣсни русалокъ).

ОБОРОТЕНЬ.

То–то лыкодёръ, трухлявая рогожа,
Ты боекъ и остеръ и буянъ хоть куда...
Да вотъ она, вотъ! и волна и вода!
(Кричитъ кошкой, улетаетъ и сокочетъ сорокой).

КНЯЖНА ***падаетъ на колѣни.***

Прими, Господи, грѣшную душу мою —
Прости, Господи, прегрѣшенья мои —
Утѣшь, Господи, родителя моего —
Прими, Господи, грѣшную душу мою!

ТУМАКЪ ***визжитъ и рвется, извиваясь около пня и гложетъ руку.***

ЛѢШІЙ ***вбѣгаетъ.***

Не выдамъ тебѣ ее, не выдамъ и не покину —

Топи меня, жги меня, не выдамъ — хоть сгину!

(Схватываетъ Княжну и уноситъ ее на вершину сосны. Русалки ближе и ближе — волна шумитъ и заливаетъ лѣсъ.)

ТУМАКЪ.

Ау! дядя–водяникъ! топи его заливай;
Топи его, вотъ онъ: подмывай!

(Вода заливаетъ весь лѣсъ; **РУСАЛКИ** ***плывутъ лавою промежъ деревьевъ и перекликаются, съ ними же*** **УДАЧА, КНЯЗЬ КАРПАТСКІЙ; ВОДЯНОЙ**

идетъ впередъ, по поясъ въ водѣ; въ рукахъ весло.)

ТУМАКЪ.

Вотъ онъ, дядя, топи его, подмывай —

Да выпусти жъ меня — утону я — ай–ай!

ВОДЯНОЙ ***бьетъ Тумака весломъ по головѣ; того заливаетъ.***

А ты, каракатица брюхоголовая, здѣсь?

Окунись да нырни: я собью съ тебя спесь!

Сперва надурилъ, а тамъ дядю подзываешь?

Нѣтъ, самъ заварилъ, такъ самъ и расхлебаешь!

— Ровняйся, умницы! впередъ мои брызгуши!

Заливай да топи! ай–да попловуши!

Небось, какъ зальемъ, такъ скажется нахалъ!

Гоните волну! Что жъ девятый валъ?

(Общій крикъ Русалокъ; девятый валъ бѣжитъ передъ ними и заливаетъ все, деревья выше половины въ водѣ.)

ЛѢШІЙ.

Стой–ты! треклятый тюлень, образина!

На–вотъ, возми, подавись ею, сомина!

(Кидаетъ съ розмаху сонную Княжну; Удача и Русалки принимаютъ ее на руки, качаютъ, сбиваются всѣ около нея въ кучу, подымаютъ ее выше головъ своихъ и съ нею уплываютъ.)

ВОДЯНОЙ.

А, братъ, ты здѣсь? что дѣло, то дѣло;

Миръ, такъ миръ; пойдемъ, слѣзай смѣло!

Поныруши! глядите, берегите Княжну,

Да сманите за собой на озеро волну!

— Стой, волна, по сей день, по сей часъ, по сей мигъ, по сіе мѣсто; лилась ты поводливо по пятамъ моимъ, вынесли тебя на чреслахъ дѣвственныхъ русалки мои изъ озера глубокаго — отхлынь, отступи, заполаскивай слѣды мои; а ты, озеро глубокое, бездонное, ты влейся въ берега свои, угомонись, да покачивайся, на одномъ мѣстѣ стоючи. Слово мое крѣпко. —

Миръ, такъ миръ, брательникъ; ударимъ по рукамъ;

Я не зачинщикъ, знаешь ты самъ.

Братъ полонилъ мою, да правитъ съ меня въ размѣнъ

И нашу поживу, да и твой вечорній плѣнъ;

Такъ тутъ, любо–не любо, пришла такая доля —

И радъ не за'малъ бы, да не своя, ви'шь, воля!

ЛѢШІЙ ***вырываетъ сосну съ корнемъ и замахивается на Водянаго, который мечется въ воду и уплываетъ.***

Изувѣчу, колтунъ, косолапый мокруша!

Ви'шь, краснобай, двуязычная оструша!

Капканъ съ тобой связывайсь: счастливъ твой Богъ,

Поплылъ бы ты домой безъ рукъ да безъ ногъ!

Попадись только, слизнякъ, я тебя изобью;

А нырка твоего поймаю, сорву голову, что воробью!

Изъ–за чего я три года маялся, да колотился,

До чего черезъ силу наконецъ было добился

— Клинъ тебѣ въ бокъ и въ ребро и подъ мышки!

Чтобъ тебѣ не было ни дна, ни покрышки!

Чтобъ твое озеро ключомъ бѣлымъ вскипѣло —

Чтобъ тебя засуха покоробила и одолѣла —

Разлейся огонь, замѣстъ воды, по болоту…

А, вотъ мой лошакъ буйволинаго помету!

Что, братъ, плохо? захлебнулся, ротозея? —

И ништо; такъ ужъ скликать волковъ поскорѣе!…

(Завываетъ волкомъ; волки отзываются кругомъ, занавѣсъ падаетъ.)

Мѣсто у Бѣлаго Камня.

Всѣ спятъ по прежнему; **ВЕСНА** *вноситъ* **РУСАЛКУ** *въ корзинѣ.*

ВЕСНА.

Далече–ль еще тащить ее? вѣдь я уморился;

Икота! а Икота! куда жъ ты запропастился?

Икота! ***(становитъ корзину на земь).***

А, чтобъ тебѣ, мошеннику жениться —

Коли честь тебя не беретъ! — заставилъ меня носиться

Съ этой грязнушкой — а самъ и провалился!

Куда жъ я зашелъ это? куда я попалъ?

Нелегкая занесла меня! пропалъ я — пропалъ!

Икота! мошенникъ! сгубилъ меня — уморилъ!

Этъ–то не чисто: гляди, что народу уходилъ!

(Бѣжитъ со всѣхъ ногъ и бѣгаетъ кругомъ, спотыкаясь о спящихъ).

Ай–ай! спасите!

Ай–ай! не погубите!

ЛѢШІЙ *свищетъ и разливается хохотомъ,* **РУСАЛКИ** *хохочутъ;* ***ВОДЯНОЙ*** *кричитъ выпью; крикъ* **ВЕСНЫ** *повторяется со всѣхъ сторонъ отголосками; онъ мотается взадъ и впередъ, падаетъ и засыпаетъ. Музыка играетъ подъ сурдиной русскую, заунывную пѣсню;* **ДОМОВОЙ** *выходитъ изъ земли и держитъ руку надъ головой* **РУСАЛКИ***; она привстаетъ и аукаетъ — Русалки на озерѣ и* **ВОДЯНОЙ** *отзываются, несутъ въ хороводѣ* **КАРПАТСКАГО КНЯЗЯ** *и* **КНЯЖНУ ЗОРЮ**, *сонныхъ, кладутъ ихъ рядомъ на землю, положивъ голову Княжны на плечо Князя Карпатскаго; потомъ подхватываютъ* **ПОРѢЗВУШУ**, *цалуютъ ее, хохочутъ, пляшутъ и улетаютъ съ нею въ быстромъ хороводѣ.* **ВОДЯНОЙ** *стоитъ во все время въ сторонѣ, подпершись весломъ и уходитъ за ними.*

ДОМОВОЙ.

Нижетъ солнышко дни свои златокрылые
Что Княжна русская свой скатной жемчугъ —
Черезъ зернышко по цвѣтному каменю,
Черезъ день свѣтлый по темной ноченькѣ.
Миръ и покой вамъ, баю–баю
Спи–почивайте, баю–баю!
Спите, други, почивайте, кого сонъ одолѣлъ,
Кого совѣсть чуткая не отбила ото–сна;
Чью головушку не одолѣла кручинушка,
Ни лихая болѣзть крови тѣла бѣлаго. —
Миръ и покой вамъ и проч.
Кошуйтесь, дѣтки, живите въ ладу и въ миру:
Можно шутку зашутить, проказу безобидную,
Глупому ума дать, одурачить ревниваго —
А обиды и грѣха и напасти бойтеся!
Миръ и покой вамъ и проч.

Кто полюбитъ кого, люби до вѣку, не откидывайся;

Кто слуга кому — служи правдою, господина не продай;

И не выдамъ я своей Княжны–госпоженки,

И не дамъ я Зорюшку въ обиду свату Лѣшему.

Миръ и покой вамъ и проч.

Кто обидитъ меня — жеребца любимаго въ подворотню протащу;

Загоню на–смерть въ одну ноченьку трехъ борзыхъ коней;

Обтрясу въ саду груши–яблони, гряды вымну всѣ;

А что ложки и плошки — съ поставца въ лахань кину помойную.

Миръ и покой вамъ и проч.

А кто мирно со мной по добру живетъ, во любви держу;

Кони выхолены, дворы выметены, ухожи прибраны —

И не выдамъ я своей Княжны красной госпоженки,

И не дамъ я Зорюшку въ обиду свату–лѣшему.

Миръ и покой вамъ и проч.

А вотъ и заря, дохнуло посвѣжѣе —

Полегли съ кручиной, а встанутъ веселѣе;

Знайте жъ, что утро вечера мудренѣе!

(Пропадаетъ; музыка играетъ вполголоса пѣсню: **Растолкуйся. —** ***Заря занимается; Князь Вышеславъ просыпается съ изумленіемъ; музыка замолкаетъ; птицы поютъ въ лѣсу.)***

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Что было? — что сталось?... не помню; сонъ не сонъ, и явь не явь — а что–то тугою легло на сердце... за чѣмъ я здѣсь, на распутьи — заря занимается... Зоря! Зоря! Зоря! Зорюшка!

КНЯЖНА ЗОРЯ ***встаетъ.***

Кто кличетъ? Родитель мой! здѣсь я!

(Кидается отцу на шею; Карпатскій Князь просыпается.)

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Зорюшка моя! моя радость! да цѣла ли голова моя на плечахъ... *(Хватается за голову.)*

ЗОРЯ.

О, родитель мой! я, никакъ, встала изъ мертвыхъ!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Гдѣ была, моя радость, сказывай — что сталось съ тобою, и кто выручилъ? А ты, Князь Удача, и тебя мы искали! что съ нами?

КАРПАТСКІЙ КНЯЗЬ.

Я словно страшную, кровавую сѣчу запилъ хмѣлемъ, да теперь проснулся — дай опомниться!

(Всѣ, кромѣ Весны, просыпаются одинъ за другимъ и встаютъ.)

ЗОРЯ.

О, родитель, сколько страховъ было, горестей!

О, замучилъ меня страшный и престрашный сонъ!

Словно лѣшій схоронилъ меня во глухомъ бору —

Словно залилъ Водяной меня студеной волной —

Словно вынесъ на рукахъ меня... стыдно вымолвить!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Говори, Княжна, не обинуйся, вымолви!

ЗОРЯ.

Словно вынесъ на рукахъ меня мой Удача–Князь —

Колыхали, цаловали меня русалочки,

Да помолвили сиротку меня своимъ судомъ

И помолвили за Удачу–Князя — видишь–ли?

Расчесали онѣ мою косаньку... о родитель мой!

Гдѣ проснулась, пробудилась я и самъ ты видалъ,

А укладывалъ кто, прибаюкивалъ — я не вѣдаю!

УДАЧА.

На меня не пеняй, о пресвѣтлый Князь,
Не повиненъ и я ни въ чемъ;
Что люблю, то люблю я Княжну твою,
А не вѣдаю самъ ни про что.
Словно самъ у русалокъ я былъ въ полону,
— Не то сонъ, не то давняя быль —
И русалки ль, волна ль, колыхали меня —
Да и вдругъ поднялася смерчемъ; —
Словно бился съ волной я и жилъ какъ живой,
И Княжну твою радость нашелъ...
Я нашелъ ее, Князь, и со мною она —
Князь — я вынесъ ее на рукахъ!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Благо, Зорюшка моя, ты тутъ опять!
Князь Удача, ты спаситель нашъ!
Что, Князья, дѣла предивныя?

РУДИГАРЪ.

Въ нашей сѣверной землѣ, Князь, сказываютъ дѣла такія бывывали.

БРАКОВИТЪ.

Я о–сю пору еще не опамятуюсь!

ХОЧАТУРЪ.

А у насъ и во снѣ этого не творится!

НАРОДЪ *и* РАТНЫЕ ЛЮДИ *съ дубьемъ и съ оружіемъ.*

НАРОДЪ *(сперва слышны голоса вдали, потомъ ближе, наконецъ на сценѣ).*

Слава Создателю, слава Тебѣ! Вотъ Князь нашъ, вотъ они!

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Спасибо, вѣрные мои, спасибо! откуда вы?

НАРОДЪ.

Твою милость проискали — съ самой полуночи — отецъ ты нашь — по всѣмъ дорогамъ выходили — слышно стало, что твоя княжья милость не вѣдомо гдѣ пропадаешь — бояре твои кличъ кликали — весь народъ всполошился...

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Спасибо, други, спасибо вѣрные! пиръ вамъ за это будетъ, пиръ горой! Всѣ станемъ вмѣстѣ веселиться и радоваться — избавилъ насъ Господь отъ бѣды бѣдовой! Зима! а Зима! и ты тутъ?

ВЕСНА *вскакиваетъ словно шальной.*

Э–э... э! Чудеса, пресвѣтлый Князь, чудеса дивныя; Князь, что со мной сталось, что новый конюхъ твой, Икота, со мной сдѣлалъ...

КНЯЗЬ ВЫШЕСЛАВЪ.

Да, было тутъ, какъ видно, по паю на всякаго. Молчи, Весна, не твоя пора: твоя рѣчь впереди. Почетные гости мои! Всѣ вы мнѣ и любы и милы и дороги; и ты

Царевичъ, и ты Королевичъ, и ты Княжичъ — да дочь у меня однѣмъ одна; тутъ, сами вы видѣте, судьба порядила; а суженаго, знать, ни обойти, ни объѣхать. Вотъ она, ночь на распутьи — вотъ и утро, что вичера мудренѣе!

В. ДАЛЬ